

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ТРОГАТЕЛЬНО

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРА
«ЕСЛИ ВСЕ
КОШКИ В МИРЕ
ИСЧЕЗНУТ»

если твоя память исчезнет

ГЭНКИ
КАВАМУРА

Книги, о которых говорят

Гэнки Кавамура

Если твоя память исчезнет

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

Кавамура Г.

Если твоя память исчезнет / Г. Кавамура — «Эксмо»,
2019 — (Книги, о которых говорят)

ISBN 978-5-04-241313-1

Если вы любите истории, которые наполняют смыслом и проливают свет на события нашей жизни, то эта книга не оставит вас равнодушными. У матери главного героя болезнь Альцгеймера, и женщина забывает даже собственного сына. Заботясь о маме, Идзуми узнает о ее тайном прошлом и жизни, которую мать прожила без него. Эта вневременная история от Гэнки Кавамуры — трогательное повествование о времени, болезни, непростом выборе человека и его попытках понять, что действительно важно. Книга также выходит под названием «Сотня цветов. Японская драма о сыне, матери и ускользающей во времени памяти»

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-241313-1

© Кавамура Г., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

1	6
2	17
3	27
4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Гэнки Кавамура

Если твоя память исчезнет

© Дробикова А.В., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

1

За дверью распахнулось желтое небо. На горизонте – ни единого облака, но и диска солнца уже нигде не видать.

Я спустилась по склону улицы и свернула направо. Нужно поспешить. Идзуми уже совсем скоро приедет.

Вдоль плавного спуска тянулись жилые дома, по форме – почти один к одному. Откуда-то доносились звуки фортепиано. «Грезы» Шумана. Снова и снова проигрывался один только второй такт.

Точно, сегодня же у нас урок по фортепиано! Мику-тян, милая, повнимательнее к фа и ре... Ох, уже скоро начало занятия. А мне еще нужно успеть сходить... Так, а куда мне нужно сходить?... Куда я сейчас шла? Ах, точно! В супермаркет. Тот, что у станции. Сегодня вечером приезжает Идзуми. Приготовлю ему мясо с рисом по его любимому рецепту. И сладкий омлет, который ему нравится. С помидорами. Так... Майонез дома вроде еще есть. Или нет... Лучше купить на всякий случай. Черт, поезд Идзуми уже совсем скоро. Надо побыстрее расправиться с покупками. Нужно бы ускорить шаг.

По одинокому переулку разносился стук, отскакивавший от асфальта под ударами спешащих туфель. Вдали показались качели. Похоже, здешние дети разбрелись по домам совсем недавно: проржавевшие цепи еще продолжали покачиваться. Рядом затаились качалка и потерявшая временем горка. Сбоку к этой маленькой детской площадке примыкала крутая лестница. Длинный спуск ее вел к железнодорожным путям. По ним беззвучно пробегали красные вагоны.

Желтый, словно усыпанный цветами одуванчиков, простор неба. Под ним – плотно застроенный, будто замощенный зданиями, жилой микрорайон. За ним должно виднеться море, но сейчас все вдали было размыто дымкой тумана.

– Юрико, ты что удумала?

Я повернулась на голос. Отец?

– Тебе просто нужно успокоиться и еще раз все хорошенько обдумать.

Мама приложила платочек к глазам.

«Отец, мама, простите меня. Но я не могу бросить своего ребенка». Я пытаюсь произнести эти слова, мои губы шевелятся, но почему-то вместо голоса просачивается только сдавленный воздух.

– Ладно, раз ты по-другому не хочешь, то поступай как знаешь. – Глаза отца наполняются безразличием, он разворачивается ко мне спиной и устремляется вдаль. Мама идет следом.

Я хочу побежать за ними, догнать, но мои ноги не двигаются с места. Что же делать? Кто-нибудь, пожалуйста! Помогите мне!

Силуэты папы и мамы окончательно растворились вдали.

Я, обессилив, опустилась на сиденье качелей. Под размеренное движение ржавых цепей я смотрела куда-то вглубь желтого полотна. Вдруг раздался пронзительный звук, подобный дребезгу стекла: по куполу неба потянулась трещина. Сквозь открывшуюся щель показалось лишенное объема белое пятно, и в это же мгновение поверхность земли пошла волнами. Видневшиеся вдали здания, словно костяшки домино, рушились, падая друг на друга.

– Идзуми... – сорвалось с моих уст. – Идзуми! Идзуми! – выкрикивала я снова и снова.

Как же быть... Идзуми уже должен приехать. Но меня ждет Асаба. Мне нужно идти: он же ждет! И надо купить лук, морковь и говядину. И майонез. Я не успеваю.

Мику-тян, давай начинать наш урок. Итак, второй такт «Грез». Не забывай про фа и ре... Отец, мама, простите.

Пробитое белизной небо темнело на глазах. На отдававшем серым оттенком желтом полотне взорвалась вспышка фейерверка, за ней еще одна. Какой странный фейерверк! Почему вспышки полукруглые? Где нижняя часть искр? Я наблюдала за поднимавшимися друг за другом половинчатыми вспышками и вдруг расплакалась. Почему-то они казались по-особенному красивыми.

* * *

Прибыв, Касай Идзуми обнаружил, что мамы дома нет.

Порог дома пропитан запахом старости. Разуваясь, он позвал маму. Голос рассеялся по темному коридору. В гостиной – уже отсюда видно – свет тоже выключен. Да и на втором этаже мамы, скорее всего, нет. В доме стоит леденящий холод. По ощущениям, даже на улице теплее. Идзуми подтянул собачку молнии на куртке. Озноб начал пробираться еще по пути со станции, и он грел себя мыслью о том, как тепло будет дома. И какое разочарование!

Идзуми прошел на кухню. В нос ударил затхлый запах. Изначально предполагалось найти здесь маму за готовкой ужина, но в этот раз что-то пошло не так. Идзуми включил лампу, которая озарила светом гору немытой посуды, образовавшуюся в крохотной раковине. На плите – кастрюля с остатками недоеденной пекинской капусты. Такое даже во сне вряд ли можно было увидеть: мама всегда поддерживала безукоризненный порядок в доме и к мытью посуды подходила очень тщательно.

В детстве Идзуми приходилось стоять у раковины только в одном случае: когда мама слегла с какой-нибудь простудой. Сразу по возвращении из школы он шел прямо на кухню, приставлял стул к раковине, забирался на него и, вытянув руки, начинал вспенивать губку. Ему нечасто выпадало мыть посуду, но когда так случалось, он докладывал маме о выполненном деле так, как если бы отчитывался о ходе изнурительной операции. За чем следовали мамнины слова: «Какую невероятную работу ты проделал! Спасибо!»

Однажды, воодушевленный такой похвалой, он решил помыть посуду и утром следующего дня. Выполнявший весь процесс уже на автомате, Идзуми внезапно почувствовал, как очередная посуда начала выскальзывать из рук. В тот момент уже было ничего не исправить.

Это была чашка в традиционном стиле, с которой мама всегда обращалась очень бережно. Идзуми не раз слышал о том, что эта вещь попала к ней в руки, когда в молодости она ездила в путешествие на Кюсю. Больше десяти лет уже прошло.

Мама прибежала на звук и обнаружила в раковине расколотую ровно пополам чашку. «Идзуми, все хорошо? Ты не поранился?» – воскликнула она, принявшись осматривать руки сына. На подушечке указательного пальца обнаружилась застывшая божьей коровкой капля крови. Идзуми и ахнуть не успел, как мама сунула порезанный палец себе в рот. Мальчик почувствовал, как кончик пальца окутывает теплая слюна, и его тут же захлестнули угрызения совести, все сжалось внутри.

Из кухни Идзуми перешел в гостиную. Там он разом включил свет, кондиционер и телевизор. Посреди комнаты демонстративно располагался – словно указывая, чья это территория, – почтенного возраста рояль. Телевизор и звуковая система, даже не претендуя на господство, ютились в тени музыкального инструмента.

Жизнь матери Идзуми всегда крутилась вокруг фортепиано. После выпуска из консерватории она устраивала небольшие сольные концерты, а для того чтобы зарабатывать на жизнь, выступала по заказу на различных мероприятиях. После рождения ребенка она стремилась найти источник стабильного дохода и потому стала давать частные уроки фортепиано. По сарафанному радио сразу разнеслось известие о «прелестной пианистке с педагогическим даром»,

и к ней хлынул поток учеников. В детстве Идзуми тоже занимался с мамой музыкой. Но во время их уроков она становилась совершенно другим человеком, была очень строгой, даже пугающей. И когда Идзуми пошел в младшую школу, он собрался с духом и сказал матери, что хочет бросить это дело. Мама немного нахмурилась и ответила: «Не обращай на меня внимания, просто играй». Потом она, впрочем, добавила: «Насильно мил не будешь; музыка должна идти от души». Принуждений и упреков больше не последовало.

Кондиционер с забитым грязью фильтром, жалобно постанывая, выдыхал чуть теплый воздух. Откуда-то слегка несло запахом плесени. Идзуми попробовал позвонить маме на мобильный, но раздавалось шесть-семь гудков – и дальше только голос автоответчика.

У окна располагалась фотография в рамке – с их поездки с мамой на горячие источники. Тогда они останавливались в рекане. Изображение, конечно, не передавало в полной мере изящество той гостиницы, сохранившей национальные черты. Идзуми и мама стоят у входа. В соответствии с атмосферой места они облачены в юката. Сколько лет уже прошло с той поездки?.. Года два-три. А быть может, и больше. В памяти Идзуми всплыл эпизод путешествия: когда к ним в комнату принесли ужин, мама все восхищалась лангустом и без конца повторяла: «Как же вкусно. Вот бы еще сюда приехать». Идзуми, выведенный из себя этой шарманкой, в какой-то момент бросил: «Да я все уже понял!» После этих слов мама немного поникла, и теплый голос ее произнес: «Уж прости меня».

Семейных снимков у них, конечно, – по пальцам можно пересчитать.

Идзуми сел за стол и уставился в телевизор. Так незаметно пролетел почти час. Над задним двориком висело фиолетовое небо. Его безграничность скрывал гигантский жилой массив. И когда за окном то тут, то там стали отблескивать крошечные белые огни, Идзуми почувствовал бездонную пустоту желудка. Его стало волновать, что мама до сих пор не вернулась. Он же предупреждал ее, во сколько приедет... Да и на улице уже смеркалось. Все в такое время сидели по домам.

Идзуми поднялся на второй этаж, зашел в свою старую комнату, закинул на кровать рюкзак. Постель откликнулась стоном. Дешевенькая с металлическим каркасом, она стояла здесь еще с тех времен, когда Идзуми ходил в старшую школу. Он повернулся и окинул взглядом полки: на них все так же располагалось несколько карманных книг-детективов и коллекция CD с западной музыкой. В стороне от шкафа была выставлена электрогитара, темно-коричневый Telecaster, некогда подаренный мамой. Инструмент покрывала пыль, которую не тревожили уже много лет. До самого выпуска из университета Идзуми играл в одной студенческой музыкальной группе, но за все время так и не смог добиться такого исполнения, которое сам бы не считал никудышным.

Согнувшись для поддержания равновесия, Идзуми спустился по крутой деревянной лестнице обратно на первый этаж. По пути в прихожую он поймал взглядом брошенный на диване в гостиной мамин шарф. У входной двери всунул ноги в тряпичные кеды и переступил порог дома.

Идзуми спустился по склону улицы и свернул направо. «Куда же мама могла пойти?» Он даже не обратил внимания, как перешел на легкий бег. Ускорение темпа пришлось весьма кстати: движение заглушало чувство холода. В свете уличных фонарей рассеивались белые пары выдыхаемого воздуха. Город в ожидании Нового года, казалось, сиял большим количеством огней, нежели обычно. Из окон домов, что тянулись вдоль плавного уличного спуска, просачивался блеклый свет и доносились звуки телевизоров.

Идзуми свернул в переулок, который заканчивался крутой лестницей. Через этот спуск можно было срезать путь до станции. Идзуми взялся уже было за поручни, как его взор зацепился за покачивавшиеся на соседней площадке качели. Под фонарем, жизненные силы которого словно вот-вот собирались угаснуть, виднелась фигура Юрико.

Под скрип покачивавшихся качелей она озидала распластавшийся впереди ночной город. Идзуми стал тихо приближаться, стараясь не напугать маму. Подойдя, в скудном свете он заметил, что на лице Юрико появилось несколько морщин. С их видом к Идзуми пришло осознание, что всегда для него одинаковая мама меняется: она стареет, и ход этого процесса никак не остановить. В то же время он чувствовал в этой фигуре на качелях и что-то удивительно детское.

Юрико не обратила внимания на сына, даже когда тот подошел практически вплотную к качелям: она все глядела на огни ночного города и мягко улыбалась. Так, будто видела сладкий сон.

– Мам, что ты делаешь в таком месте? – спросил Идзуми еле слышно. Он еще слегка задыхался.

– Нужно... возвращаться, – протянула Юрико будто сама себе.

– В смысле?

– Нужно возвращаться. Так больше нельзя...

– Да о чем ты, мама?

– Ой, Идзуми? Прости.

Юрико наконец перевела взгляд на сына. Пронзительный блеск еще влажных от слез глаз лишили Идзуми дара речи. Он еще никогда не видал маму такой.

– Ты меня напугала. Я приехал домой, а тебя нет.

– Прости. Я просто так устала, пока бегала по этому супермаркету... – тяжело сказала Юрико, у которой ничего не было в руках.

– Так ведь и простудиться недолго!

Идзуми подошел к матери, снял с себя куртку и накинул ее на плечи Юрико. Сама же она была только в безупречно выглаженной белой блузке со скромным темно-синим кардиганом поверх. Как ни посмотри, для такого-то времени года наряд слишком легкий.

– Ну что? Пойдем домой и будем отогреваться? Чай горячий заварим.

– Нужно купить лук с морковкой. И говядину еще...

– Тогда вместе ходим в магазин?

Юрико кивнула и снова окинула взором жилой район, раскинувшийся вниз по холму и дальше за ним. На железнодорожных путях, уходивших бесконечной полосой в обе стороны, показался красный поезд. Пассажиров было не видно. Еще бы – последняя ночь уходящего года. Вереница вагонов двигалась на удивление неторопливо, но через некоторое время она таки скрылась из поля зрения.

У станции находился супермаркет, чем-то походивший на парк развлечений. Четыре года назад до города, который прежде не видал ничего, кроме мелких торговых точек, добралась сеть крупных розничных магазинов. В результате и здесь появилось такое место, где можно было найти сразу и продукты питания, и товары повседневного спроса, бытовую технику и одежду, лекарства. Такой магазин по определению не был супермаркетом, но Юрико называла его именно так: по ее словам, одна только мысль об универмаге или торговом центре сразу отбивает у нее желание туда идти.

На полках с продуктами, как и полагается за несколько часов до наступления Нового года, было негусто. Юрико шла впереди, вернее, даже неслась, хотя ей не была свойственна такая торопливость.

– Куда ты так бежишь? Давай помедленней. – Идзуми, толкавший тележку, пытался не отстать от матери.

На какую полку ни глянь – упаковки доброй части продуктов так и кричали об их лучших качествах: «источник питательных веществ», «укрепление иммунитета», «без глютена», «полезно для здоровья». Идзуми смотрел на товары как турист на экскурсии: за то время, пока он не посещал магазины, ассортимент значительно изменился.

В окрестностях многоэтажки в центре Токио, где теперь жил Идзуми, супермаркетов практически не было, и он привык продукты и другие нужные товары заказывать в интернете с доставкой до двери. Механизмы сайта очень упрощали процесс: они сами рекомендовали к покупке товары, подобранные на основании предыдущих заказов, «Избранного» и работы алгоритмов по анализу предпочтений. Пара кликов на сайте – вот и сходил за покупками.

Юрико суетливо перемещалась от одного стеллажа к другому. «Так, это надо взять обязательно. Ой, вот это тоже пригодится», – приговаривала она, укладывая в красную тележку помидоры, морковь и другие продукты. Мама брала все в таком количестве, будто закупалась на месяц вперед, и Идзуми это немного настораживало.

Юрико положила в тележку самые дорогие венские сосиски.

– Может, лучше взять вот эти? – предложил Идзуми, указывая на упаковку подешевле.

– Да? А в детстве ты привередничал, никакие другие не ел. Возьмешь не те – и сразу истерика! – Судя по голосу, мама улыбалась.

– Аж до такого доходило? Совсем не помню...

– Да у тебя всегда была девичья память! – добродушно заметила мама и потянулась за приправой для соуса. – У нас сегодня на ужин твое самое любимое: я приготовлю хаяси райсу и сладкий тамагояки.

Когда тележка оказалась заполнена, мать с сыном направились в сторону кассы. Там Юрико достала из кармана кошелек, кожаный, с оригинальным логотипом раскрученного бренда. Идзуми купил для мамы этот аксессуар в дьюти-фри за границей. Но сейчас кошелек выглядел не очень презентабельно: он был раздут, как пышная слойка. Когда Юрико открыла его, стало заметно, что отсек для бумажных купюр забит чеками, а кармашек для мелочи разрывается от монет. А ведь раньше мама всегда по возвращении из магазина перебирала содержимое кошелька. Размышляя об этом, Идзуми поймал себя на том, что всматривается в «пышку» с деньгами.

– Мне в последнее время совсем не удастся отсчитывать нужную сумму, – начала оправдываться Юрико, заметив застывшего в созерцании сына. – Поэтому всегда купюрой расплачиваюсь. Вот мелочь со сдачи и копится... – Она стыдливо опустила глаза и закрыла кошелек.

– Можно я заскочу еще на третий этаж? – спросил Идзуми после того, как закинул купленные овощи в пакет.

Тот оказался неустойчивым и чуть было не упал с упаковочного стола, но Идзуми быстро среагировал и подстраховал его.

– Тебе что-то нужно купить? – поинтересовалась мама.

В ее пакете все продукты были аккуратно уложены, так, что он имел безупречную круглую форму.

– Как-то холодно дома. Думаю, может, термобелье купить, в нем спать лечь.

– Кондиционер дома совсем не греет... Прости, пожалуйста.

– Да все в порядке! Это просто я мерзляк.

– Ну да, ты и правда вечно мерзнешь.

– Да, есть такое.

Идзуми невольно хихикнул. Сколько он себя помнил, ему претили и мороз, и жара. Еще в младшей школе Идзуми удивил маму заявлением: «Ненавижу лето и зиму! Вот бы были только осень и весна!»

– Давай я и тебе комплект куплю?

– Нет-нет, мне и так хорошо, не стоит. Я тоже еще в один магазин пока зайду.

– Хорошо, тогда встретимся минут через пятнадцать у выхода.

Идзуми поднялся на эскалаторе на два этажа и принялся искать одежду с функцией защиты от холода. Блуждая теперь в одиночестве между ровными рядами стеллажей и стоек, он заметил, что ему словно стало легче дышать. Не прошло и часа, как они с мамой встрети-

лись, а от совместного времяпрепровождения он уже ощущал неприятную тяжесть. Даже когда он просто шел рядом с ней, ему было не по себе.

Прошло уже пятнадцать лет, как Идзуми устроился на работу и стал жить отдельно. Его дом был не так далеко – в полутора часах езды. Но со временем Идзуми стал выбираться к матери все реже, и сейчас ездил к ней только раза два в год. Совесть не позволяла ему оставлять ее в одиночестве на Новый год, поэтому он взял за железное правило встречать этот праздник вместе. Но последние несколько лет даже такое недлительное пребывание с матерью давалось ему с трудом: все диалоги с Юрико казались Идзуми пустыми, он то и дело выпадал из разговора и только кивал в знак того, что слушает. Когда же общение с мамой стало так его изнурять? Раньше Идзуми было не остановить, когда он начинал вываливать матери все свои новости, но внезапно они поменялись ролями рассказчика и слушателя.

«Сверхтеплый». Идзуми взял в руки комплект термобелья с выделенным жирным шрифтом многообещающим слоганом. Он стал изучать упаковку: проверил цвет, сверился с размерной сеткой. И в этот момент краем глаза заметил рядом такой же стенд с женской коллекцией. Идзуми почувствовал отвращение при мысли, что у них с матерью будет своего рода «парное белье», но к кассе направился все-таки с двумя комплектами: для себя и для нее.

Спустившись по эскалатору обратно к супермаркету, он заметил у выхода маму с цветком амариллиса в руках. Казалось, расцвела и сама Юрико: даже морщины словно бы расправились. Создавалось ощущение, будто вернулась та самая мама, которую Идзуми всегда видел в детстве. Сколько он помнил, ни разу не было так, чтобы после каких-нибудь школьных церемоний или открытых уроков кто-то из учителей или одноклассников не выразил свое восхищение: «Идзуми, у тебя такая красивая мама!» Он окунулся в приятные воспоминания: эти слова всегда вызывали у него гордость.

– Давно ждешь? Я долго ходил? – приблизившись к ней, спросил Идзуми.

Мама покачала головой, давая понять, что все в порядке. Бутон цветка подчеркивал нежную улыбку на маленьком правильном овале ее лица.

Стоило им войти в дом, как Юрико начала поминутно извиняться за беспорядок и одновременно собирать раскиданные по гостиной почтовые конверты.

– Да можешь сильно не прибираться! – попытался Идзуми успокоить маму.

Сам он в это время занялся цветком: снял бумажную упаковку и хотел было поставить в вазу, но та оказалась занята. В ней стояла засохшая уже ветреница. На столешнице покоилось несколько утративших свой цвет лепестков. Идзуми вынул старые стебли. Похоже, мама даже не подрезала их. Он вылил желтую помутневшую жидкость в раковину и поставил в вазу с кристально чистой и потому почти невидимой водой свежий, полный жизненной энергии букет. От этого комната сразу стала уютнее.

Юрико складывала накопившуюся после стирки одежду. Идзуми принялся разбирать пакеты с покупками. Он открыл холодильник, чтобы выгрузить туда продукты, но наткнулся на жуткий беспорядок внутри. Полки были забиты накрытыми пищевой пленкой тарелками с объедками. В овощном отделе – высохший шпинат и не первой свежести морковь. В глубине ящика разлагался полностью почерневший банан. На столешнице у рисоварки примостились две буханки, обе были нетронутые. Идзуми извлек из пакета новоприобретенный хлеб и крикнул маме в гостиную:

– Мам, тебе не кажется, что с хлебом теперь перебор? – он вытянул руку в сторону собравшихся у рисоварки трех буханок.

– Да, в последнее время, бывает, грешу этим, – она извиняюще улыбнулась, ловко выстраивая стопку из аккуратно сложенных брикетов полотенец. – Мама твоя ни на что уже не годится.

– То есть это уже не первый раз?

Идзуми прежде приходилось видеть маму, загружавшую холодильник одинаковыми упаковками йогуртов или ломтями ветчины. Тогда она объясняла: «Ты же сказал, что тебе понравилось, вот я и купила побольше... К тому же как раз акция была!»

Юрико сменила сына на кухне. Она надела фартук, промыла рис и начала хлопотать у настольной плиты, занимаясь одновременно приготовлением и мяса с рисом, и омлета. Поставила на огонь кастрюлю, тут же подбежала к раковине промыть зелень и вскоре уже резала помидоры.

Когда Идзуми был еще ребенком, его работавшая не покладая рук мама – днем она занималась музыкой с учениками, а вечерами отправлялась на подработки – и на кухне всегда оставалась расторопной. Только начинал раздаваться звук ножей и сковородок, как тут же доносился зовущий голос: «Идзуми, пойдем есть!» С момента переезда в отдельное жилье сын тоже добился определенных достижений на кухне, но готовить несколько блюд одновременно было выше его сил. Тогда он сделал вывод, что это тайное искусство, доступное только избранным.

– Чем-нибудь помочь? – Идзуми заглянул на кухню.

– Можешь там телевизор посмотреть, – ответила Юрико, не отрывая взгляда от разделочной доски.

Наслаждаясь доносившимся ароматом демигласа, Идзуми развалился на диване и включил телевизор. Там как раз шел концерт «Кохаку». Это соревновательное музыкальное шоу ежегодно транслировалось в канун праздника. Участницы молодежной айдол-группы – все в одинаковых красных шляпках – визгливыми криками поддерживали исполнительницу, выступавшую с песней в традиционном стиле. Женщина им улыбалась, однако по выражению лица невозможно было понять, испытывала ли она радость от такой бурной реакции или же всеми силами скрывала свое негодование по поводу забивавшего ее исполнение шума.

Интересно, в какой раз уже Идзуми с мамой вместе смотрели это шоу... Они переехали сюда, когда ему было лет четырнадцать, значит, число уже, должно быть, перевалило за двадцать. А сколько раз им еще предстоит посмотреть «Кохаку» вместе? Десять или, может, еще двадцать? Больше тридцати уже вряд ли будет, конечно... Похоже, точка «сейчас» уже перескочила за середину того отрезка времени, которое им суждено находиться в этом мире вместе.

«Да-а, в этом году в “Красных” собрались мощнейшие голоса!» – провозгласила ведущая от женской команды, актриса, которая эпизодически появлялась в популярной утренней телепрограмме. Между выступлениями она постоянно напоминала засмотревшимся зрителям, что программа имеет соревновательный характер и между собой за победу борются женская «Красная» и мужская «Белая» команды.

В памяти Идзуми всплыло ухмыляющееся лицо начальника, кинувшего: «Ха-а, вот она какая на самом деле-то! С ее телевизионным образом вообще не вяжется!» Пару лет назад Идзуми приходилось пересекаться с этой актрисой по работе. Она тогда должна была участвовать в съемках видеоклипа для песни, выбранной в качестве саундтрека к одному фильму. Идзуми же присутствовал на той площадке в качестве пиар-менеджера музыкального исполнителя. Эта девушка не проронила почти ни слова ни во время работы с костюмерами и гримерами, ни по ходу самого съемочного процесса. В этот день она ограничилась формальными приветствиями, лаконичными «да-нет» и предписанными актерскими репликами. Не особо, как выяснилось, дружелюбный собеседник, перед телезрителями она представляла позитивной и бойкой молодой актрисой, и разница эта повергла в шок всю съемочную группу.

Тогда Идзуми было жаль девушку: ее, вероятно, даже не спрашивая, хочет она того или нет, привели на незнакомую площадку с чуждым ей музыкальным антуражем. Но сейчас, наблюдая за надрывающей голос ведущей, он подумал, что тогда она водила всех за нос, а сама наслаждалась собственноручно устроенным спектаклем. Кто знает, может, и этот смеющийся образ, который нынче он наблюдал на экране телевизора, был лишь очередной ролью, которую девушка исполняла ради собственной забавы.

– Идзуми, ужин готов! – вырвал из размышлений мамин голос, раздавшийся из-за спины.

Вот он – приготовленный мамой хаяси райсу: рис – только из кастрюли – словно светился белым от впитавшейся влаги и из-за перепада температур испускал горячий пар; рядом с ним – мясо в густом соусе. В бульоннице – консоме с крупно порезанной репой. Рядом – салат из помидоров и зелени, сладкий тамагояки, жареные баклажаны, замоченные в специальном соусе, тушеный с морковью дайкон. Были и обязательные для новогоднего стола традиционные рыбные блюда.

На столе, заставленном тарелками с непревзойденной маминой стряпней, не осталось пустого места.

– Ну и что это, если не какая-то секретная техника! – оценил Идзуми изобилие блюд.

– Ты о чем сейчас? – поинтересовалась Юрико, выкладывая палочки.

– Просто поражаюсь, как ты успела так много наготовить.

– Слишком много?

– Ты что! Вкусной еды не может быть много!

– Честно сказать, в этом году я немного сдала: салаты в этот раз простецкие – только ингредиенты порезать и в тарелку закинуть. Да и дайкон я покупала в виде сушеной стружки. Уж прости, что подвела...

– Да не за что тут извиняться!

– Ты, наверное, хотел все домашнее, а я тут с купленным...

– Мама, ну чего ты начинаешь!

– Прости...

– Да сколько можно!

– Ладно-ладно, давай есть.

Они взяли палочки и сложили руки перед едой. В телешоу предоставили слово членам жюри, и они, сидевшие в одну шеренгу, стали по очереди наклоняться к своим микрофонам. По гостиной разносились звенящие голоса ведущих. Вообще, в этом доме было заведено непременно выключать телевизор во время еды, и только в новогоднюю ночь это правило не действовало.

Любимый хаяси райсу Идзуми. Бурого цвета соус. В нем – словно растворяющийся лук; кружочки моркови с сердцевинками, что еще немного сохраняли приятное похрустывание. Захватываешь рис вместе с соусом – сначала появляется едва уловимое ощущение кислинки, а затем следует послевкусие сладкого сочетания демигласа с луком. Идзуми уплетал любимое блюдо за обе щеки, с нетерпением обдувая каждую следующую горячую еще ложку. Он любил хаяси райсу, приготовленный мамой, больше всего. Вкус этого блюда напоминал ему, как в детстве он, следуя за пленявшим ароматом, исподтишка заглядывал на кухню.

Не успел Идзуми оглянуться, как на тарелке его осталось только несколько рисинок.

– Положить еще?

Идзуми кивнул. Юрико, захватив тарелку, направилась на кухню. Музыкальное шоу подходило к своему завершению. Мужская айдол-группа исполняла песню, танцуя на фоне мерцающего яркими красками экрана. Из зрительного зала доносился восторженный голос толпы, доходящий до визга. Ведущие объявили, что при создании видеоряда были использованы новейшие супер-технологии. Знать бы еще, где именно: разницы-то все равно не видно.

Как раз в то время, когда стол опустел, действие на экране телевизора перенеслось из концертного зала во двор укрытого снегом буддийского храма. Ведущие объявили, что до наступления Нового года остались считанные минуты. Идзуми взялся за пульт: может, на других каналах будет что поинтереснее. Каждый клик словно вытягивал новый кадр ленты с изображениями личностей, поймавших в уходящем году волну популярности: сменяли друг друга

лица комиков, участников айдол-групп, телезвезд и спортсменов. Все программы сопровождалось невероятным гулом, поэтому Идзуми, недолго думая, вернулся на главный канал.

– Везде ерунду крутят. Тут хотя бы сразу будет понятно, когда Новый год наступит, – словно озвучила мысли сына Юрико.

Из телевизора донесся звук последнего, сто восьмого удара колокола: он ознаменовал очищение мира от страстей и открыл новый, чистый разворот в летописи жизни каждого человека.

– С Новым годом! – по правилам этикета глубоко поклонившись, поздравила Юрико сына.

– С Новым годом! – Идзуми одновременно проделал то же самое.

Такую формальную почтительность мать с сыном соблюдали лишь раз в году. Подняв голову, Идзуми неловко улыбнулся оттого, что в поздравлении их голоса слились.

Юрико заулыбалась в ответ:

– Пусть у нас в этом году тоже все будет хорошо.

Телефон дрожал, реагируя на поступающие от друзей и коллег поздравления. Идзуми набрал короткое сообщение для Каори, которая тоже встречала Новый год с родителями. Сразу же пришел ответ: «С праздником! С мамой не горячись!»

– Как там Каори, все хорошо?

– Да, тебе привет передает. И поздравления, – ответил Идзуми, не поднимая глаз от экрана телефона.

– Спасибо! Передай ей мою благодарность. Я по ней уже так соскучилась...

– Кстати, это сколько тебе лет исполнилось? – направил Идзуми разговор в другое русло и потянулся за кусочком селедки, которая еще оставалась на столе.

– Не спрашивай! Даже вспоминать не хочу! – Юрико, автоматически собирая со стола опустевшие тарелки, покачала головой, словно пытаясь отогнать мысль о возрасте.

– Так сегодня хочешь не хочешь...

– В таком возрасте это уже не праздник.

– Шестьдесят девять?

– Шестьдесят восемь.

– Ой, прости.

– Ты каждый раз обсчитываешься, так что я и не обижаюсь.

Идзуми улыбнулся от смущения, но не отвел глаз от мамы: он ждал, пока она оторвется от оставшихся еще на столе тарелок и встретится с ним взглядом. Когда это наконец случилось, сын произнес:

– Мама, с днем рождения!

Юрико родилась в первый день года. Каждый раз после встречи Нового года Идзуми с мамой праздновали ее день рождения.

– Все знакомые точно знают дату моего рождения – еще бы: такая знаменательная! – но никто о ней никогда не вспоминает.

Спроси кого угодно – все ответят, что Юрико родилась в первый день нового года. Но в этот самый день все напрочь забывают данный факт, и ни от кого не услышишь слов поздравления. Захочешь отпраздновать свой день рождения – так и позвать некого: все в этот день с близкими, да и рестораны закрыты. Вот и получается, что вместо торта – традиционный новогодний набор о-сэти, а вместо подарка – да, и такое бывало – талисман из синтоистского храма, куда стекаются все японцы в первые дни года. «Родиться в такой праздник! Это же здорово!» Если кто-то так скажет, Юрико возразит: она всю жизнь страдала из-за того, что ей выпало появиться на свет первого января. «В конце концов, – произнесет она с легкой улыбкой, – такой день рождения неизбежно будет оставаться в тени Нового года, о котором трубят из каждого утюга».

Когда-то была у Юрико одна-единственная отдушина – подруга детства, которая так же неудачно родилась первого января. Они были не разлей вода и считали, что их подарила друг другу сама судьба.

Мама рассказала Идзуми о своей подруге, когда ему было одиннадцать лет. Разговор о ней зашел после того, как он подарил маме подарок, – в тот день он сделал это впервые. В канун Нового года он бродил по магазинам, не имея ни малейшего представления о том, что выбрать, и в результате всех мытарств купил веточку нарцисса. К вечеру в цветочном магазине больше ничего и не осталось. Юрико, взяв в руки протянутый ей сыном невесомый букет, успела только дрожащим голосом произнести «спасибо» и тут же вышла из гостинной.

«И все-таки прогадал... – Он стал переживать, что расстроил маму. – Так и думал, что надо было брать мамины любимые паффы с кремовой начинкой!» Пока Идзуми терзался такими мыслями, вернулась Юрико. Ее глаза покраснели от слез.

– Идзуми, почему ты выбрал белые цветы? Как ты узнал, что это мой любимый цвет?

– В магазине оставались только они, – не стал скрывать сын, но тут же добавил: – просто все раскупили, пока я выбирал.

– Есть все-таки что-то хорошее в том, что у меня день рождения в такой день! – произнесла мама таким голосом, будто она сейчас снова расплачется, затем подошла к окну и взяла одну из фотографий, которыми был уставлен подоконник, – ту, что была сделана, когда Юрико еще училась в старшей школе. А потом начала рассказывать о той подруге.

Первого января они устраивали вечеринки «только для двоих», обменивались подарками. Вместе шли в храм, а затем – в кинотеатр: посмотреть какой-нибудь новогодний фильм. Им казалось, что они по прихоти каких-то высших сил стали в некотором роде особенными. Они верили в предсказания, которые им выпадали на бумажках для гадания в храме, но считали, что все уготовленное – будь то «счастье», «большое несчастье» или что-то еще – они примут и проживут вместе. Так предполагалось.

Все перевернулось одной весной. Юрико тогда было семнадцать лет. Ее подруга скоропостижно скончалась после аварии. Чувством, которое болезненно кололо Юрико изнутри, была не столько скорбь, сколько растерянность.

Даже на похоронах она еще не осознавала, что это произошло на самом деле. Но чувствовала, что с уходом человека, который все это время жил с ней одной жизнью, она будто лишилась части себя. Больше Юрико не верила ни в какие предсказания.

– Я всегда думала: раз человек, с которым мы делили одну судьбу, покинул этот мир раньше меня, у меня нет больше причин праздновать рождение. Но теперь, когда ты поздравил меня, этот день снова наполнился смыслом.

Расплывшаяся в трепетной улыбке Юрико, не переставая благодарить сына, поставила цветы в наполненную прозрачной водой вазочку.

Каждый следующий Новый год Идзуми обязательно что-нибудь дарил маме: платочки и кружки, украшения для волос и кулоны. Юрико же с того самого дня, когда сын преподнес ей веточку нарциссов, всегда держала в вазе какие-нибудь живые цветы. Присутствие этого украшения словно стало очередным негласным правилом для них двоих. Но такого, чтобы цветы успевали в вазе засохнуть, еще ни разу не было. Разве что тогда.

* * *

– И все же, ну как такое возможно?

Перед глазами начало расплываться, но голос матери вернул взгляду способность фокусироваться. Сделав еще пару глотков пива, Идзуми заметил, что рядом стоит уже шесть пустых банок. Их алюминиевые бока переливались, словно по ним прыгали светлячки.

– Ты о чем?

– Да вот, что всегда так.

– Что именно?

– Что в такой день никто даже не позвонит, не напишет, – пожаловалась Юрико, эмоционально всплескивая руками, в которых она держала купленный только прошедшей осенью смартфон.

Мама еще с трудом находила общий язык с этим инструментом и периодически писала Идзуми, чтобы он объяснял ей, как пользоваться разными функциями.

– Вот будет утро – кто-нибудь да напишет! – уверил Идзуми и пристально посмотрел в лицо матери.

– Ну да, может. Если хоть кто-нибудь вспомнит...

На лице Юрико продолжала держаться улыбка, но в глазах ее вновь появилась пустота. Весь вид ее стал воплощением образа юной девицы, вздыхающей по любви. Но Идзуми понятия не имел, по чему тоскует мама.

2

На экране – будто облако, плывущее по ночному небу.

– Сейчас сантиметров шесть примерно будет. По размеру – как киви. Который фрукт.

Врач, не отвлекаясь от монитора УЗИ-аппарата, водил датчиком по чуть надутому животу. Идзуми следил за скользившим по коже прибором. На быстро двигавшейся картинке экрана крутилось в черном водовороте неба облако, которое принимало человеческую форму.

– Киви? – Каори, лежавшая на медицинской кушетке, приподняла руку и попробовала отмерить расстояние в шесть сантиметров, зажав между большим и указательным пальцем воображаемый фрукт. Идзуми тоже стал разглядывать невидимый объект.

В кабинете УЗИ висел слегка уловимый запах лекарств.

Стены были по-больничному белые, без единого пятнышка. Только настенный календарь с изображением рапса вносил краски в это пространство.

– Хм-м, еще не настолько большой. Может, как клубника...

– Как клубника... – Каори несколько сократила расстояние между пальцами. – А для сравнения обязательно использовать именно плоды?

– Да нет, просто ничего другого на ум не пришло. У вас есть идеи?

– Ну, например, макарон или пафф...

– Слишком уж приторно! – разразился веселым смехом акушер-гинеколог. Этот слегка упитанный мужчина средних лет во всем белом больше напоминал шеф-повара, нежели врача.

– Ваша правда. После таких сравнений еще пухляшом вырастет! – Каори тоже расхохоталась. – Тогда как насчет мячика, например для тенниса или бадминтона?

– А это хорошая идея! – Врач согнул руку, восторженно выставив указательный палец. – Возьму на заметку! – Белый халат явно был ему великоват, и когда мужчина опустил руку, она полностью скрылась под тканью.

– Беременность протекает нормально? – вклинился с вопросом Идзуми, прежде молча наблюдавший за оживленной беседой.

– Простите, отвлекся. Не переживайте, – врач указал на монитор, – вон как сердечко колотится. Живчик!

Идзуми медленно, стараясь не выдать эмоций, глубоко выдохнул, словно выпустив мучившее его напряжение, и снова взглянул на Каори. По движению ее губ читалось неслышимое «Ну слава богу». Девушка сжала руку Идзуми.

Облако на экране тихо покачивалось в небе. Внутри него как заведенное билось крохотное сердце. Идзуми поймал себя на мысли, что он до конца не осознает, что там – новая жизнь. Не было и ощущения, что он скоро станет отцом.

– Ну что, еще полгодика – и вы станете мамой и папой, – добродушно заключил врач, стирая с датчика гель.

Идзуми, рассыпаясь в словах благодарности, двинулся в сторону двери и уже собирался покинуть кабинет, как его кто-то позвал. По крайней мере, ему так показалось. Он повернулся к источнику звука и снова увидел монитор УЗИ-аппарата. Но на экране не было уже ни ночного неба, ни облака – лишь пустой мрак.

– Тебе не обязательно каждый раз сопровождать меня на скрининги. С работы же приходится отпрашиваться! – заявила Каори.

Они уже покинули больницу и сели в поезд метро. После полудня на линии Соби в вагонах – по полтора человека, и Идзуми с Каори удалось сесть рядом.

– В смысле не сопровождать?! Это же само собой разумеется! – Идзуми озадаченно уставился на Каори. Она же безмятежно наблюдала за стройной аллеей сакур, проносившейся за

окном. Деревья, которые весной должны налиться розовым цветом, сейчас только тянулись коричневыми ветками.

– Джун рассказывала, что у нее муж вообще ни на один скрининг не ходил.

– Ну и что хорошего?

– Мне кажется, таких мужчин много. Тех, что шарахаются от кабинета акушера-гинеколога.

– Серьезно?

– Их, конечно, тоже понять можно. И я не прыгаю от счастья, когда приближается день следующего осмотра. Еще и токсикоз мучает, а вне дома надо себя как-то в руках держать.

Каори вцепилась руками в свою темно-синюю кожаную сумку. Она всегда так делала, когда подступала тошнота.

– Все хорошо? – забеспокоился Идзуми.

– Да, все нормально, – сказала Каори, затем достала из сумки маленькую картонную упаковку яблочного сока и за раз все выпила.

Это быстродействующее противорвотное она теперь всегда носила с собой. Однако Каори отказывалась от другого, важного в ее положении предмета: она все еще не повесила на сумку специальный брелок для беременных. Видимо, не хотела испытывать неловкость оттого, что окружающие будут уступать ей место в транспорте и в целом относиться к ней более заботливо. Идзуми не раз говорил ей: «Но ведь такое случается только раз-два в жизни: имеешь полное право на то, чтобы тебя все оберегали!»

Поезд немного прибавил скорость и поехал мимо устроенных на реке посреди мегаполиса «платников». Разгар буднего дня, а собравшихся посидеть с удочкой – хоть отбавляй. Они расположились на специально для этого предназначенных ящиках из-под пива и следили за лесками, погруженными в воду нескольких нарезанных прямоугольниками участков. Не скакать, что сегодня хорошо клюет. По крайней мере, так казалось издали.

– Мне кажется, ты слишком много на себя взваливаешь. Будешь так надрываться – ничем хорошим это не закончится, – предупредила Каори. В это время пальцы ее сплющивали и сгибали тетрапак из-под яблочного сока. Она всегда так делала, прежде чем выбросить что-то из бумаги или картона. Использованные одноразовые платочки, упаковки от палочек – все подобное она сгибала до мельчайших размеров.

– Ничего я не надрываюсь, – возразил Идзуми.

Тут поезд остановился у станции, что расположилась почти сразу за «платниками». Они спустились на узкую платформу, зажатую по бокам двумя вереницами вагонов: одной – желтой, другой – оранжевой. Громко, чтобы идущая впереди Каори услышала его, Идзуми добавил:

– Просто я не понимаю, за что хвататься, вот и делаю все, что только можно.

Они прошли через турникеты, пересекли переход и направились по поднимавшейся немного вверх улице, вдоль которой теснились встроенные в здания торговые точки: вот кофейня одной известной сети, впритык к ней – магазин CD- и DVD-дисков, дальше – ресторанчики и пара минимаркетов.

– Я не думал, что там так отчетливо будет видно, – задумчиво произнес Идзуми, поднимая воротник шерстяного пальто: навстречу дул противный ветер.

– Ты о чем? – Каори вопросительно посмотрела на Идзуми и перевесила сумку с одного плеча на другое. Чем выше по улице они шли, тем тяжелее становился подъем, но помощь с сумкой она отвергала: Каори терпеть не могла, когда кто-то нес ее вещи.

– Про снимок с УЗИ.

– А, да! Я слышала, что еще могут делать что-то вроде 3D-фотографий!

– Это как?

– Так, что ребенок на снимке выглядит трехмерным. Говорят, совсем как настоящий. А еще слышала, что недавно и так называемое 4D-УЗИ появилось.

- Четырехмерное? Это как вообще?
- Это то же, что и трехмерное, только уже не просто снимок, а целое видео.
- Ого-о! – протянул Идзуми.
- Придумали же – фильм! – засмеялась Каори. – Сомневаюсь, конечно, что корректно

называть это четырехмерным...

Они добрались до перекрестка и свернули направо.

В поле зрения появилось тянувшееся вдоль дороги по-офисному серое здание, густо усеянное окнами. Эту улицу заливал солнечный свет, и идти стало немного теплее.

- Увидеть милого малыша до рождения – кто бы отказался от такой возможности!
- Ты реально думаешь, что он милый?
- Ну да...
- Не боишься, что он будет больше на инопланетное существо смахивать?
- Да, Каори, у тебя язык совсем без костей! – Идзуми неловко улыбнулся.

Она немного отдышалась и продолжила:

– Мне непонятно, как по какой-то фотографии с УЗИ можно судить о том, ребенок милый или нет.

- Да, ты в своем репертуаре – сама суровость!
- Да ладно тебе! Многие думают точно так же, просто вслух не говорят.
- Вот оно как...
- Да, вот такие вот дела.

Они вошли внутрь офисно-серого здания. В нескольких метрах от автоматических дверей гостей и сотрудников встречала стойка ресепшен, за которой сидели две прелестные девушки. В одинаковой форме они выглядели совсем как близняшки. Девушки сидели, уткнувшись в компьютеры, и, как слаженно работающий механизм, одновременно поднимали глаза, только когда приходилось любезно приветствовать входящих. Каори не раз отмечала: «Чем такие люди, уж лучше бы роботы!»

Сбоку от стойки переливался красками широкий светодиодный экран. По нему крутили видеоклип начинающего хип-хоп-исполнителя, к которому сейчас как раз был приставлен Идзуми. Картинка – шедевральная, но текст песни совсем не цеплял. А ведь когда только закончили подготовку к релизу, казалось, что эта работа вызовет фурор.

Идзуми и Каори направились вглубь здания, прошли мимо фуд-корта, искоса поглядывая на меню, и добрались до лифта. Войдя в спустившуюся кабину, Каори нажала на кнопки третьего и пятого этажей и обратилась к Идзуми:

- Ты когда уже скажешь своей маме?
- Да, уже скоро второй триместр, пора бы сказать...
- А мне надо бы решить, когда уходить...
- Куда уходить?

– В декрет. Хотелось бы, конечно, как можно дольше поработать. Дома-то и заняться особо нечем. Не знаю даже, – Каори повела плечами. – Своему непосредственному начальнику и отделу кадров я уже сообщила о беременности, но пока мне ничего не говорят.

- Знаешь, что мне недавно сказали?
- Что?

– Сказали: «Уходи ты рожать!»

– С чего они вдруг?

– А вот: «Как мы без нашей Каори на работе, уж лучше ты уходи рожать и ребенка воспитывать!»

– Тут они явно перегнули! – старалась выразить сочувствие Каори, но по ее лицу невольно проскользнула улыбка.

Чего скрывать: она выдающийся музыкальный менеджер, на которого компания возлагает большие надежды.

Каждый департамент желал заполучить ее к себе в штат, но сейчас случилось то, о чем она сама мечтала, – ее перевели в отдел классической музыки.

Теперь она разрывалась: на ней было и руководство планированием релизов, и контроль за процессами звукозаписи, и консультации исполнителей, с которыми заключен контракт...

– Не смешно! Кто же знал, что быть женатыми коллегами так тяжело.

– Ты уж не подведи, дорогой! – иронично усмехнулась Каори.

Раздалась короткая звонкая мелодия, оповестившая о том, что лифт доехал до третьего этажа. Двери открылись, и зашедшие внутрь сотрудники уважительно поприветствовали Каори. Она любезно ответила им легким поклоном – Каори была выше их по должности – и, выскочив из лифта, побежала по делам.

«Выражаю вам глубочайшую благодарность за то, что согласились купить мой талант». Это была первая фраза, которую услышал Идзуми при личном знакомстве с VOICE. «Теперь я ваш товар, поэтому, пожалуйста, торгуйте мной. Иначе не будет смысла от того, что я вообще раскрыла свою личность».

Талант VOICE впервые проявился в интернете. Видеоролики, на которых не было видно ничего, кроме нижней части лица, будоражили зрительскую фантазию: какая красота, должно быть, скрывается за рамками кадра! Клипы быстро облетели популярные социальные сети. Каждый собственноручно смонтированный ролик VOICE набирал не менее трех миллионов просмотров. И примерно через год после выхода первого видео крупные звукозаписывающие компании разглядели в ней лакомый для себя кусочек.

Острое соперничество пяти гигантов музыкальной индустрии закончилось тем, что выбор VOICE пал на компанию, в которой работал Идзуми. Он же, давно заметивший талант новой исполнительницы, сразу выдвинул свою кандидатуру на роль ее пиар-менеджера. Каори, которая была на два года младше Идзуми, пригласили в качестве ассистирующего продюсера.

Любые прихоти VOICE беспрекословно исполнялись.

«Мне сложно вести разговор больше чем с тремя собеседниками, поэтому прошу, чтобы на следующем собрании присутствовало как можно меньше людей». «Моя кожа очень чувствительна к прямым солнечным лучам: я бы предпочла перейти в кабинет, где нет окон». «Мне становится плохо после кофе, так что мне, пожалуйста, воды». Сотрудники плясали вокруг VOICE, как няньки у люльки с плачущим младенцем.

«Это уже ни в какие ворота!» Работники компании начинали выть волком. Но в итоге их сердца растаяли, когда после всех собраний исполнительница с простодушной улыбкой и со слезами на глазах поблагодарила сотрудников и глубоко поклонилась. «Я так переживала, так переживала», – послышался тоненький бархатистый шепот, VOICE только успевала вытирать глаза. Из глубины зала в ответ донеслись звуки хлюпанья носов растроганных молоденьких сотрудниц.

«Ее талант – нечто большее, чем создание музыки: она искусно обольщает людей и ловко манипулирует ими». Эти слова, принадлежавшие открывшему VOICE главному A&R-менеджеру, всплыли в памяти Идзуми. «Таким образом, у нее есть все предпосылки, чтобы хорошо продаваться». Он обратил внимание, что Каори смотрела на VOICE таким взглядом, будто уже сделала тот же самый вывод.

Только Идзуми вернулся за рабочий стол после первой встречи, как обнаружил, что от VOICE висит сообщение.

Он пробежал по тексту глазами: «Простите, что беспокою... Адрес почты был написан на вашей визитке...»

Далее она выражала свои надежды по поводу предстоящей работы. После всех полагающихся формальностей было написано следующее: «Я вам очень симпатизирую.

И хочу попросить, чтобы вы абсолютно свободно делились со мной любыми(!) впечатлениями от моей музыки». После этих строк Идзуми словно ощутил прилив сил: ему казалось, он стал чем-то особенным для VOICE. И впоследствии он строчил ей высокопарные и восторженные письма, спеша поделиться своим мнением о каждой новой песне.

Все в компании находились в предвкушении: скоро на небе славы зажжется еще одна звездочка. Ожидалось, что она ослепит всех вокруг, а на то способен редкий дебютант. Авторы песен боролись за возможность написать текст для VOICE. Идзуми бегал с напетыми демоверсиями по телепродюсерам и деятелям кинематографии. Окучивал начальство, чтобы выбить средства на создание шикарных рекламных материалов. Сразу поступил ряд предложений от нескольких пораженных качеством предоставленных музыкальных образцов гениальных продюсеров и кинорежиссеров. Среди последних оказались и те, кто утверждали, что были фанатами VOICE еще со времен интернетного этапа ее карьеры. Разом удалось договориться об использовании песен в качестве саундтреков к некоему фильму и одному анимационному сериалу. В общем, велась невиданного прежде масштаба подготовка к дебюту.

Но буквально за неделю до записи VOICE внезапно испарилась.

Менеджер продолжал попытки дозвониться до нее. Но безрезультатно. Ни у кого не было никаких догадок о том, где девушка может быть. Искали VOICE общими усилиями, команда сотрудников не находила себе места.

Идзуми отправлял ей на почту сообщения, но входящих от нее все не было.

– Я нашла ее! Квартал Сибуя! Сможете сейчас подъехать? – раздался в телефонной трубке голос Каори.

Это произошло на пятую ночь после исчезновения VOICE. Короткая стрелка на часах медленно сползала с цифры «2». Идзуми второпях накинул на футболку пиджак, пулей выскочил из дома и поймал такси. И только здесь, на пассажирском сиденье, он заметил, что на футболке у него изображен персонаж из какого-то несуразного аниме. Идзуми застегнул верхнюю пуговицу. Всегда, когда предстояло встречаться по каким-либо делам с VOICE, он облачался во все однотонное темно-синее: она как-то упоминала, что ей нравится этот цвет.

– Честно говоря, VOICE звонила мне, когда все ее искали, – ошарашила Каори Идзуми, как только он прибыл к месту встречи, в холл элитного отеля квартала Сибуя. – Она говорила, что хотела уйти по-хорошему, но эти зазнайки даже слушать ее не стали. Мне кажется, сейчас никак нельзя отдавать ее на растерзание начальству.

Поэтому я обратилась именно к вам, – объясняла она на ходу. Вместе они сели в лифт, и тот поплыл к вершине высотного здания. – Вы человек, которому более-менее можно доверять. VOICE тоже так считает.

Тот факт, что VOICE выходила на связь только с Каори, неприятно поразил Идзуми. Он почувствовал отвращение к самому себе, к той версии себя, которая еще несколько секунд назад всерьез воспринимала слова о симпатии, выраженной в заключение самого первого письма.

– Вы же знаете, что VOICE росла без отца? – еле слышно протянула Каори, задумчиво глядя из окна несущегося по скоростной автомагистрали такси.

За стеклом город накрывало розовевшее с восходом небо. Каори и Идзуми обратно ехали на рассвете: в такое время дороги еще были пустынными и машина шла как по накатанной.

– Вот как, – выдавил из себя Идзуми и снова погрузился в молчание. Он не уловил, к чему это было сказано. После четырех часов разговоров у Идзуми не было ни сил, ни желания разбираться в этом.

«Росла без отца». В результате эти слова повисли в воздухе...

Из съюта на вершине небоскреба, в котором остановилась VOICE, открывался вид на залитый слепящими огнями ночной Сибуя. Исполнительница могла себе позволить такой номер: помимо особой единоразовой стимулирующей выплаты после подписания договора, каждый месяц ей перечислялись компенсационные за предварительную подготовку.

– Я забыла, что такое музыка, – выдала VOICE. Она с кошачьей грацией, подогнув ноги, восседала на большом диване. – У меня никак не получается вспомнить, как я раньше писала тексты, какие чувства вкладывала в пение. Я больше не хочу иметь ничего общего с музыкой.

Как я могу заниматься тем, память о чем безвозвратно утеряна, – твердила она.

Пока Идзуми не мог найти подходящих слов, Каори невозмутимо допрашивала девушку:

– Почему ты так решила? Что случилось, что ты забыла про музыку? Что ты собираешься делать дальше?

– Я влюбилась.

Не отрывая глаз от колонны испускавших сверхмощный свет зданий, VOICE начала рассказывать о фотографии, который был старше ее на несколько лет и который украл ее сердце.

– Как можно при первой же встрече открывать человеку душу? У меня не укладывалось в голову, почему мне было так легко говорить. Нет, у меня даже в мыслях не было кому-то изливать свои чувства. Возможно, вернее было бы сказать, что он сам вытаскивал все, что таилось внутри меня.

После того как VOICE вышла с первой съемки, она решила подкараулить фотографа у здания.

Тем пятничным вечером мимо нее прошли десятки людей. Никто еще не догадывался, что лицо, на которое они даже не обратили внимания, через какое-то время должно было купаться в славе. Сейчас же для случайных встречных оно не представляло никакого интереса.

– Что он за человек? – задала очередной вопрос Каори.

– О себе он ничего не рассказывал, – выложила VOICE и тут же улыбнулась, будто что-то припомнила. – Разве что... Он упоминал, что недавно развелся. И говорил, что его вымотал уже Токио и здешний круг общения.

Идзуми хотел поскорее перейти к развязке, но решил, что сейчас ему нельзя вмешиваться. Здесь словно велись работы по возведению картонного домика: одно неловкое движение – и все разрушится. Каори, будто выманивая забившегося в щель котенка, продолжила аккуратно вытягивать информацию:

– Что у вас было дальше?

– Мы пошли в отель. Я сама его пригласила. До сих пор не могу поверить, что такое грязное желание вообще возникло. Меня всегда воротило от мужчин. Их похоть вызывала у меня отвращение.

Идзуми сам удивлялся тому, с каким холодным спокойствием он воспринял откровение девушки. Он будто с самого начала предчувствовал, что рано или поздно VOICE разобьет ему сердце. Но все же поддался искушению.

Через три дня после знакомства, рассказывала VOICE, она перебралась жить в квартиру фотографа, перестала выходить на связь с менеджером, оставила в прошлом все мысли о звукозаписи, о рекламной кампании, работе и вообще отгородилась от всего мира за этими стенами.

Но вскоре возлюбленный поделился с ней известием, что уже в следующем месяце он уезжает жить в Бруклин. Его отец был актером с громким именем и не жалел средств на то, чтобы обеспечить сыну красивую жизнь.

– Я ему сказала, что готова бросить все, что у меня есть.

Что я поеду в Бруклин. Что мне ничего, кроме него, не нужно, – отчеканила VOICE, и ни одна черточка не дрогнула на ее лице. Сейчас в ее голосе не было и следа того нежного бархата,

который ласкал слух сотрудников компании во время знакомства. Казалось, будто рассеялась магия, которая раньше придавала чистоту звучанию. Лишенное эмоций лицо подчеркивало ту серьезность намерений, которую она вкладывала в слова.

Продолжать лезть в душу девушки было невозможно, и Каори, которая, казалось, опустила руки, прекратила допрос. Слово взял Идзуми: он рисовал обнадеживающие картинки, которые ободряли скорее его самого. Идзуми пытался убедить исполнительницу, что надо закончить работу хотя бы над той песней, которой они занимались сейчас, и только потом уезжать. Он хотел найти подтверждение тому, что состоявшаяся между ними переписка все-таки что-то значила.

– Я больше не тот человек. Слова песен, музыка, то, над чем я усердно трудилась в течение месяцев, – все это больше мне не принадлежит. Поэтому не остается ничего, кроме как распрощаться с прошлым – VOICE отклоняла предложенные Идзуми варианты, и голос ее был безмятежным и вялым, будто она была в состоянии полудремоты.

Небо за окном постепенно начинало светлеть. Чистый голубой цвет окутывал все пространство. Незаметно почти все будто пытавшиеся перещеголять друг друга огни квартала погасли.

У входа в офисно-серое здание остановилось такси.

Идзуми и Каори вышли из машины. Их слух поразил визгливый крик птицы, который донесся с выстроившихся у дороги деревьев. Словно испугавшись этого звука, они поспешили в офис, где их уже поджидали все задействованные в проекте сотрудники, а также верхушка руководства.

В следующем месяце VOICE улетела в Америку.

В ресторанчике стоял легкий дым, поднимающийся от настольных грилей. Идзуми поднял кружку с пивом, и Каори стукнула о нее своим стаканом, бросив перед этим: «Ну что, отмечаем успех проекта?»

Ресторан находился в нескольких шагах от здания их компании и пользовался большой популярностью. Бывало, свободных мест и не найдешь. Однако сотрудники компании предпочитали обходить стороной это заведение: здешний персонал слыл недостаточно дотошным в обслуживании посетителей, да и близость офиса не позволяла забыть о работе и спокойно поесть. Это было весьма кстати для Каори и Идзуми, которые могли поговорить здесь без лишних ушей.

– Похоже, у того паренька корейское происхождение.

Раньше, говорят, был танцором, – делилась информацией Каори, разжевывая намуль.

– Ты про кого? – уточнил Идзуми, пытаясь удержать палочками кимчи.

– Про того героя, с которым VOICE порвала в Бруклине.

– А-а, тот фотограф-ловелас?

VOICE вернулась уже через полгода после отъезда. Каори все это время не сворачивала проект – словно предвидела, что девушка придет обратно. Сразу по возвращении VOICE несколько дней подряд провела в студии звукозаписи, и в итоге альбом был выпущен, пускай и на девять месяцев позднее назначенной даты релиза. Затем, как заведено, был организован концерт. И когда это все закончилось, Идзуми пригласил Каори поужинать.

– Lovelас, распутник, плейбой – называй как хочешь.

А суть одна: такие мужчины не настроены на серьезные отношения. Они просто умеют себя правильно преподнести, – рассудила Каори и поднесла к губам кружку пива, уровень которого уже колебался у середины.

– «Правильно преподнести»? Это как? – поинтересовался Идзуми и тоже припал к кружке, чтобы не отставать от девушки.

– Он просто уловил, какие слова хотела бы услышать VOICE, какие действия ее бы привлекали. Не испытывал он к ней никаких чувств, не строил планы на совместное будущее: только разыгрывал роль человека, которого не хватало девушке.

– Да, вынужден признать, что есть и такие мужчины.

Если их можно, конечно, так назвать.

– Я не помню ничего из того, что произошло за эти полгода, – призналась VOICE. Ее взгляд бегал по кабинету, а слезы лились без остановки. – Не могу даже понять, что мной двигало, когда я уезжала, за что полюбила этого мужчину.

Каори утешающе поглаживала ее по спине. Некоторые записи VOICE так и делала – в объятиях Каори. «Я напрочь забыла о том, как любить», – поделилась она и тут же призналась, что в новых песнях, которые она сочинила после возвращения, все чувственные фразы принадлежали не ей: она просто использовала слова, которые слышала от того мужчины.

– Я прекрасно понимаю, почему мы потерпели поражение, – заявила Каори.

Им подали мясистый говяжий язык. К нему шел разрезанный лимон, Каори взяла половинку и, жмурясь, выдавила сок в пиалу.

– Мы? Это же было личное решение VOICE, – озадаченно заметил Идзуми. Он положил два кусочка говяжьего языка на гриль, не притронувшись к лимону: ему казалось, что политое соком мясо теряет свой вкус.

– Была еще одна вещь, которую мы должны были тогда сделать.

– И что нам следовало сделать?

Манера выступления VOICE после возвращения не несла в себе прежнюю мощную энергетику. Ее голос утратил ту волшебную силу, которая околдовывала людей. Работа в студии ей тоже давалась с большим трудом: каждый день начало сдвигалось минимум на час. Когда нужно было записывать радиоверсии песен, вскрылось последствие чрезмерного употребления антидепрессантов: VOICE не могла связать и двух слов. Сотрудников, которые поддерживали девушку, становилось все меньше и меньше.

– Я считаю, что в окружении артиста обязательно должны быть мать и отец.

– Мать и отец?

– Я имею в виду, должен быть такой человек, который в любой ситуации примет тебя таким, какой ты есть, – как мать, и такой, который не будет сюсюкаться, а вместо этого направит на верный путь, – своего рода отец. Если не будет хоть одного из них – ничего не получится. Обязательно нужны оба.

– Получается, в нашей проектной команде было слишком много «матерей» и ни одного «отца»?

– Я хотела взять на себя роль «отца», но уберечь ее в самый последний момент все-таки не смогла. И в семье у нее отца не было...

Идзуми почувствовал себя не в своей тарелке. Пива у него осталось только на пару глотков, и он думал заказать еще. Он осмотрел зал, но все официанты, как назло, столпились у кассы и над чем-то дружно хихикали.

Сразу после выпуска альбома продажи шли хорошо, но быстро сошли на нет: целевая аудитория, формировавшая спрос, так и осталась в границах того круга людей, которые были фанатами VOICE со времен роликов в интернете. В завершение первого концерта она объявила о приостановлении музыкальной деятельности на неопределенный срок.

Единственным человеком, который до последнего убеждал VOICE продолжать заниматься музыкой, была Каори. Но, казалось, не та Каори, что ночью в гостинице Сибуйа не проронила ни слова, когда уговорами занимался Идзуми. Это была другая – невероятно напористая – девушка.

Наблюдая за Каори, выкладывавшей на решетку гриля кусочки аппетитного красного мяса, Идзуми в мыслях невольно вернулся к их поездке в такси, когда девушка сидела рядом с

ним, повернувшись лицом к окну. Вдали возвышался сероватый силуэт Токийской башни на фоне розовевшего с восходом горизонта.

– Это действительно так важно? Есть отец или нет...

– Спрашиваешь?

– Каори, ты же и до этого акцентировала внимание на том, что у VOICE нет отца.

– Ну да. Я и раньше упоминала.

– Это что получается: будь у VOICE отец, ничего бы этого не произошло? Не повелась бы она на такого мужчину? Все бы в ее жизни шло как по маслу? – Идзуми почувствовал, что его слова все больше звучат как упрек, и замолчал.

Каори, не отводя взгляда от горящих углей, продолжала выкладывать на решетку гриля кусочки аппетитного красного мяса.

– Мне кажется, отсутствие одного из родителей в любом случае сказывается на жизни ребенка. Взять VOICE: о многом говорит уже тот факт, что она выбрала мужчину, который по возрасту ей как раз в отцы и годился...

– Звучит немного категорично... Следуя такой логике, получается, если кто-то растет в неполной семье или родители у него, так скажем, не идеал, то и достойный человек из него не выйдет?

Внезапно почувствовался запах гари. Идзуми схватил щипцы и резким движением перевернул кусочек мяса, из-под которого уже струился дым.

– Я не это имела в виду. Все, что я хотела сказать, это то, что какие-то последствия от отсутствия родителя все равно остаются. Ничего более.

Все, время было упущено. Все кусочки мяса уже успели подгореть.

– У меня, к слову, тоже нет отца, – выдохнул Идзуми.

Он стал один за одним передвигать дымящиеся кусочки к краю решетки. От черных угольков оставались капли жира. – Его не было с самого моего рождения. Я не знаю ни как его зовут, ни как он выглядит.

После небольшой паузы Каори произнесла:

– Прости. Я не хотела задеть твои чувства.

– Да все хорошо, я понимаю.

Не только отца не было в жизни Идзуми. С бабушкой он тоже никогда не встречался. Несколько превратностей разом свалилось на долю Юрико, и она решила поднимать ребенка в одиночку.

– Я всегда была послушной девочкой, «правильной».

Я думаю, именно поэтому родители так и не простили мне то, что я совершила.

За все то время, что Юрико лежала в больнице, отец ни разу к ней не пришел, мама была одиножды, но и она полностью исчезла из жизни дочери после родов.

Юрико ни разу не упоминала о том, как получилось так, что все заботы о ребенке она несет одна, – до одного дня. Была школьная церемония – выпускной из шестого класса, а вместе с ним – и из младшей школы. После окончания они отправились праздновать это событие в кафе неподалеку.

– Знаешь, у меня с детства был такой характер, что меня ничего не сломит. – Мама весело улыбнулась. – Я очень ждала твоего появления. Кстати, с твоим именем я определилась, пока лежала в больнице. Тогда мне еще было неизвестно, будет у меня мальчик или девочка. Но я знала: кто бы ни был, с появлением ребенка в моей жизни радость будет бить ключом. Поэтому твое имя и записывается иероглифом «источник».

На каждую значимую дату мама рассказывала что-нибудь из своего прошлого, постепенно приоткрывая завесу тайны.

Словно стремясь заполнить чем-нибудь повисшее молчание, Каори принялась выкладывать на гриль нарезанную тончайшими пластинами мраморную говядину. Вмиг взметнулось пламя, и дым окутал мясо. Прослойки жира потрескивали над углями, и на эту своеобразную мелодию удачно ложился тихий голос Каори:

– Дети семью не выбирают. И отсутствие родителя – это, безусловно, не приговор. То окружение, в котором росла VOICE, наоборот, подарило ей возможность писать музыку.

– Ну будь у нее оба родителя, может, она бы тоже смогла создавать замечательные тексты.

Идзуми осушил кружку пива и снова пробежал глазами по ресторану в поисках официанта. Но в зале так никого и не было. Он невольно щелкнул языком от досады. «Их же только что была целая уйма!»

– Не исключено. Но в одном я точно уверена: ей удавалось создавать пробирающую до глубины души музыку как раз потому, что на жизненном пути ее было много испытаний, – выдвинула Каори неоспоримое утверждение. Она подумала несколько секунд и продолжила рассуждения, при этом внимательно наблюдая за степенью прожарки укутанного дымом мяса. – Личности отца и матери оказывают колоссальное влияние на формирование личности ребенка. Я тоже не сразу пришла к этому заключению.

В своей семье я постоянно чувствовала давление, это было словно проклятье какое-то. Я хотела избавиться от их влияния и постоянно думала о том, как выбраться из таких бессмысленных оков.

Но в какой-то момент я сделала важное для себя открытие: роль родителей для человека могут выполнять и не его кровные мать и отец.

Мои мама и папа не стали разводиться, но совместную жизнь их никак нельзя было назвать семейной. С родительскими обязанностями они тем более не справлялись. Но с детсадовского возраста я стала ходить в балетную школу, и там мне удалось найти того, кто воспитал во мне человека. Это была моя учительница. Я осознала ее роль в формировании моей личности, когда повзрослела.

Тогда я переосмыслила значение и суть «семьи».

Не связанные кровными узами люди – как раз за счет различий – могут отлично дополнить друг друга, дать что-то уникальное. И если в семье нет отца, то обязательно найдется тот, кто сможет взять на себя его роль.

Я надеялась стать такой заменой для VOICE...

Каори произнесла речь на одном дыхании и тут же сняла с гриля – и тем самым спасла от подгорания – пару кусочков мяса, которые разом закинула в рот. Идзуми наблюдал за ее подбородком, выполнявшим усиленные жевательные движения, и не понимал, как он мог злиться на эту девушку.

– Что тебя так развеселило? Ни с того ни с сего заулыбался, – полюбопытствовала Каори, и только после этого замечания Идзуми почувствовал, что у него на лице застыло выражение удовольствия.

– Да так, ничего, – замялся Идзуми и стал усердно выкладывать на решетку новую порцию мяса. Пытаясь отвести внимание девушки от беспричинной улыбки, он предложил: – Может, рис к мясу заказать?

Идзуми рисковал: многие считают неуместным употребление риса в ресторане, специализирующемся на мясных закусках, да и сочетаемость этого продукта с алкоголем вызывает дискуссии. Но он сделал ставку на отменный аппетит спутницы.

Каори пристально, с ноткой недоверия, уставилась на Идзуми. Но через секунду расплылась в улыбке:

– С удовольствием! Мне – двойную порцию!

Это была первая ее радостная эмоция с начала вечера.

3

Идзуми проснулся от звука закрывающейся входной двери. Он встал с кровати. Белоснежное постельное белье лежало взбитыми сливками.

На другой половине кровати уже не ощущалось тепла. Идзуми потянулся и краем глаза заметил разбросанные по комнате книги и диски.

«Нам нужно будет ставить куда-нибудь детские книжки и другую мелочь... Освободишь место на полках?» – попросила вчера Каори. И, повинувшись, Идзуми тем же вечером принялся перебирать вещи, но далеко он в этом деле не продвинулся: что ни возьми, все навевает воспоминания и невольно начинаешь крутить в руках, рассматривать, перелистывать страницы... Обнаружился CD-плеер, что оказался не у дел, когда появилась возможность слушать музыку на компьютере и на телефоне. Понятно, что все собранные на забытых носителях песни сейчас без проблем можно найти в интернете. Не было никакого смысла хранить эти диски, но совесть не позволяла от них избавиться: они таили в себе воспоминания о том времени, когда их еще слушали.

По темному деревянному настилу коридора Идзуми перешел в гостиную. Планировка квартиры была рассчитана на семью с детьми, все комнаты были просторными: те вещи, которые Идзуми перевез из своего холостяцкого гнездышка, – миниатюрный телевизор, скромный диванчик – сразу бросались в глаза. К покупке общей жилплощади Каори и Идзуми подходили тщательно: они долго обсуждали, какой из вариантов больше соответствует их видению будущего.

Два месяца назад Каори сообщила Идзуми о беременности. Со свадьбы прошло два года. Казалось бы, все шло своим чередом, но известие сбило его с толку: он почему-то никогда не задумывался о том, что это случится. Идзуми еще не до конца осознал, что у них родится ребенок и он станет отцом.

За окном – легкая дымка и северный ветер, который так и норовил пробиться сквозь стекло, но в квартире было тепло и уютно. Наверное, следует признать, что это заслуга Каори, которая настояла на установке теплого пола. Теперь его поверхность приятно грела босые стопы.

На громадном обеденном столе аккуратной стопкой лежали три упаковки шоколада. «Снова с самого утра налегает на сладкое!» Токсикоз Каори несколько отступил за последние пару недель, но на смену пришла новая напасть: шоколадная зависимость.

– Шоколад – это, конечно, лучше, чем ничего, но тебе не кажется, что со сладким немного перебор? – укоризненно замечал Идзуми. Он даже пытался припугнуть жену рассказом коллеги. Мол, та во время беременности очень набрала в весе и из-за этого роды прошли достаточно сложно: ребенок в утробе-то тоже толстел.

– Да я понимаю, – оправдывалась Каори.левой рукой она гладила живот, словно вырисовывая на поверхности круги, а пальцами правой сжимала красную упаковку шоколада. – Понимаю, но никак не могу удержаться. Я и есть-то особо не хочу, но все равно тяга какая-то непреодолимая...

– Но нельзя же питаться одним шоколадом! Что ж со здоровьем тогда будет...

– Вообще, раньше я слышала, что беременные подсаживаются на лимоны там всякие, грейпфруты и другие цитрусовые...

– Ну так это организм просто требует восполнить нехватку витамина С. В этом-то ничего плохого нет.

– Вот среди моих знакомых, наверное, не было никого, кто бы во время беременности подсаживался на здоровую пищу. Одной – все жареную картошку, другой – «Кока-Колу», кого-то от мороженого было не оторвать.

– Ну как так можно! Это же все вредно!

– Удивительно устроен организм! всю жизнь равнодушен ко всякой вреднятине, но когда внутри развивается ребенок, то из всего разнообразия продуктов хочется именно то самое! – пожаловалась Каори и вонзилась зубами в плитку шоколада. Сладкий прямоугольник специально для удобства разделен на дольки, но кто-то наперекор всем традициям оставляет на нем круглый след от мощного укуса.

– Ладно, ничего не поделаешь, если это зов природы... – махнул рукой Идзуми и, заворачивая рукава пижамы, направился в сторону кухни. – Тебе кофе налить?

– Нет, не надо. В последнее время воротит от запаха кофе.

– Чтобы передозировка шоколадом сопровождалась отвращением к кофе! Где-то явно произошел сбой системы!

– Извиняюсь.

С того дня Идзуми не разрешал себе пить кофе в присутствии Каори. Сегодня она уже ушла, и на кухне, пока в термопоте кипятилась вода, дребезжала электрическая кофемолка, измельчая зерна, которые Идзуми достал из холодильника. Это был сорт с кислинкой. Упаковку такого кофе Идзуми получил от своего подчиненного в качестве сувенира из Сиэтла, куда тот ездил в командировку с одним проектом. Пачка все никак не могла закончиться.

Неизменный завтрак – хлеб для тостов и что-нибудь из яиц. К ним – овощной салат или свежесжатый сок. Отвечает за приготовление тот, кто первый встал, – негласное правило этого дома.

Когда Идзуми еще жил с мамой, его завтрак состоял из риса и рыбы, дополнением шла яичница или еще что-нибудь на закуску, и непременно были соленья. Юрико постоянно разрывалась между домом и подработками, поэтому по будням на ужин периодически были наборы суши или другая готовая продукция из магазинов. Идзуми всегда радовался, когда так случалось. Но от Каори он узнал: сразу после их свадьбы Юрико по секрету призналась ей в том, какие угрызения совести ее каждый раз мучили из-за покупного ужина. «Поэтому я во что бы то ни стало старалась хотя бы завтраки и обеды готовить сама».

Вспомнились три буханки у рисоварки. «Когда это мама тоже перешла на “хлебный” рацион? Через какое-то время после того, как я съехал?» Идзуми сидел за обеденным столом.

Перед ним на тарелке лежала подстывшая уже глазунья. Он растеребил желток и разом смолот яичницу, затем принялся за тост, запивая его кофе.

«Из Нью-Йорка прилетает виолончелист, так что я завтра пораньше уеду на репортаж».

В памяти Идзуми всплыло, как вчера перед сном Каори предупреждала его об этом. Вероятно, доза кофеина – такая долгожданная! – расшевелила шестеренки мозга.

«И, Идзуми, скажи уже маме про ребенка!» – продолжали доноситься обрывки вчерашнего вечера. Вот-вот будет четыре месяца с начала беременности, а Идзуми все ждет, пока подвернется какой-нибудь удобный случай, чтобы сообщить об этом маме.

Из окна их квартиры на девятом этаже открывался вид на раскинувшийся внизу парк. Снаружи, оказывается, шел снег. Благоухающими белыми бутонами он ложился на пышные зеленые ветви деревьев. «Да что ж такое! Март на дворе!» – приуныл Идзуми.

* * *

Он принял обжигающе горячий душ и, хорошо прогревшись, отправился на улицу. Все ограждения у здания были укрыты снегом. Зачерпнешь его пригоршню, начнешь сжимать – и,

влажный и липкий, он со скрипом приобретает круглую форму. Идзуми любил снег, но, как ни странно, сейчас ледяной шарик в ладони заставил его сморщиться. Вместе с ощущением холода в голову пришла мысль: «Как доберусь до офиса, надо будет еще письмо с извинениями отправить...» Все по поводу основного саундтрека к сериалу: Идзуми, по просьбе одного своего хорошего знакомого, сценариста, пытался добиться от небезызвестного иностранного исполнителя разрешения на использование его песни. Но все попытки Идзуми выйти на связь с правообладателем, который находился сейчас в Америке, были тщетны. Тот ему просто не отвечал. Переговоры не сдвигались с мертвой точки уже три месяца.

От дыхания перед глазами всплывало облачко пара: словно с выдохом выскальзывало и обретало видимые формы то, что глодало изнутри. Идзуми глубоко вдохнул холодный воздух – словно собирая всю волю в кулак – и зашагал вперед. Идя по переходу, он набрал номер мамы, но вызов сразу перекинул на голосовую почту. Идзуми просто сбросил звонок.

В детстве Идзуми часто возился в снегу вместе с соседской ребятней. Завидев за окном снег, он пулей выскакивал из дома и мчался в парк. Там с друзьями они час, а то и два играли в снежки, после чего по традиции лепили снеговиков. Идзуми обожал такие дни. Они с Юрико никогда особо не путешествовали – мать не могла позволить себе длительный отпуск. А до боли опостылевший городок под белой пеленой словно переносил в параллельную вселенную. И это очаровывало мальчика.

– Мне один из пацанов рассказал, что они на праздники ездили в Акиту и там отец ему возводил хижину из снега! Ну, ту, что на снежный фестиваль там по всему городу строят... Вспомнил: «камакура» которая! А потом они внутри хижины еще этот суп с фасолью – осироко – ели!

Выражение лица мамы после услышанных слов навсегда отпечаталось в памяти Идзуми. Он всего лишь хотел поделиться тем, какой восторг у него вызвал рассказ о снежных хижинах, но в его речи проскользнуло «отец». На каком-то подсознательном уровне мальчик понимал, что маму ранит это слово: словно за ним непременно скрывается колкий вопрос. Ему казалось, что он уже научился избегать этой запретной темы, но где-то в глубине души все равно таилось желание узнать об отце.

На следующее утро, проснувшись, Идзуми заметил, что на заднем двореке возвышается какая-то круглая гора из снега. Даже не сменив одежду, в пижаме и тапочках он вышмыгнул на улицу.

– Круть! Откуда она взялась?!

– Это я построила!

– Можно внутрь залезть?

– Конечно. Аккуратно только!

Юрико потратила всю ночь, чтобы нагрести снег и соорудить хижину. Крохотная получилась – места внутри было только на одного Идзуми, и то впритык. Но какая же она была красивая! Будто круглое белое пирожное в разрезе!

Юрико оставила мальчика развлекаться в хижинке, а сама отправилась на кухню – готовить осироко. Стоя за плитой, она периодически покашливала.

– Мам, ты как? Точно все в порядке? Ты не заболела? – каждый раз спрашивал Идзуми.

– Все отлично! – неизменно отвечала Юрико и продолжала орудовать на кухне.

Приготовленный суп Идзуми отведал в холодной, но такой уютной хижине. В разваренных бобах пряталась поджаренная рисовая лепешка, на ней были заметны следы от гриля. Юрико тоже хлебала суп на улице, и только краснеющий нос служил свидетельством того, как было холодно. Вечером этого дня оба – и мать, и сын – слегли с сильным жаром. Улегшись бок о бок под одним одеялом, они пересмеивались: «Зато суп-то какой был вкусный!»

– Мама, не переживай: мне не нужен никакой папа! Главное – что у меня есть ты! – заявил Идзуми.

Ему наконец-то хватило сил произнести эти слова, но то было лишь во сне, который сморил его из-за поднявшейся температуры. Когда мальчик очнулся от полубытья, Юрико уже была на ногах: готовила завтрак «от простуды» – кашу.

* * *

С неба посыпались крупные хлопья снега. Идзуми ускорил шаг. Его темп подстроился под ритм сердца. И снова нахлынули воспоминания.

Это произошло еще до того, как Идзуми пошел в младшую школу. Стоял обычный день, мама усадила его на заднее сиденье велосипеда и покатила в сторону бейсбольного поля. Видимо, хотела показать сыну, который начал проявлять интерес к этому виду спорта, настоящее соревнование. Десять минут – и они добрались до стадиона, что находился прямо у берега моря. Но у входа не оказалось ни одного места, где можно было бы оставить велосипед, и Юрико поехала вокруг стадиона. Идзуми смотрел в спину неустанно вращающейся педали матери и наблюдал, как от пота намокала ее одежда. Когда велосипед преодолел середину второго круга в поиске парковочного места, вспыхнули лампы, освещающие поле: турнир по бейсболу начался. Толпа взорвалась ликующими криками: вероятно, бэттер выбил хит. Идзуми поднял голову вверх – казалось, что шум голосов доносится с неба.

* * *

Снегопад усилился. Перед выходом Идзуми ведь посмотрел еще на зонтик, но все-таки оставил его дома: тащить с собой лишние вещи не хотелось. Теперь он пожалел о своем решении: зонт ему бы сейчас пригодился. Не было настроения и тащиться пешком до станции, поэтому он вышел на автомагистраль и попытался поймать такси. По этой дороге постоянно курсировали пустые машины, но сегодня, как назло, все они уже везли других пассажиров.

Идзуми чувствовал, как в ладони начинает таять слепленный снежок. Но мысли его были заняты совершенно другим. «Если родится мальчик, получается, я буду строить для него снежные хижины? Мы будем играть с ним в мяч, я буду учить его рыбачить, вместе на пикнике будем разводить костер? А когда-нибудь наступит тот день, когда он за выпивкой будет делиться со мной своими трудностями на работе...»

Как-то ночью, на прошлой неделе, когда в спальне уже был выключен свет, донесся тихий голос Каори:

– Мне кажется, это все-таки мальчик.

– Может, мне уже сейчас стоит вернуться к бейсбольным тренировкам... – так же тихо отозвался Идзуми.

Загоревшись этой идеей, на следующее утро он зашел в спортивный магазин, находившийся недалеко от работы. Неожиданно богатый ассортимент сбил его с толку.

Он не смог решить, что лучше выбрать, и поспешно устремился к выходу.

* * *

– М-да... Куда нас, черт возьми, занесло! – заключил Танидзирэ, расправляющийся с поданным в маленькой тарелке салатом. Хриплый голос исходил из тучного тела смуглого мужчины.

– Неужели все настолько плохо? Разве вы у нас не специалист по монетизированию артистов? Я думал, трудности вас, наоборот, подзадоривают, – удивился Идзуми.

Свою порцию салата он обильно приправил кунжутным соусом.

– Совсем у тебя голова не варит: я что могу сделать, когда эпоха такая!

– Сейчас и правда нелегко приходится. Подростающие музыканты бегут от нас как черт от ладана. Так а чего еще ожидать: конечно, мы никого новенького не подцепим с нашими-то условиями контрактов. Остается разве что выкупать уже состоявшихся исполнителей.

Идзуми оторвал взгляд от тарелки и посмотрел на Танидзири. Тот сидел мрачнее тучи и салфеткой вытирал с лица пот. В этом кафе с системой регулирования температуры всегда перегибали: летом здесь – холодина, зимой – жарница.

– Сейчас у артистов есть миллион способов без чьей-либо помощи продавать свою музыку, им нет никакого смысла заключать контракты с мейджор-лейблами!

– Если уж и вы так говорите, то ситуация и правда – пиши пропало.

Несколько лет назад Идзуми и Танидзири работали на один лейбл. Эта компания держала группы, которые релиз за релизом выпускали одни хиты; коллективы техно-музыкантов, которые даже за границей пользовались огромным успехом, – в общем, там было множество хороших артистов различных спектров. Танидзири тогда совмещал должность продюсера с постом управленца.

В воспитании новых звезд его было не превзойти, но вот как руководитель он не блистал талантами. Когда вся организационная структура пошла под откос, его тут же сместили. Теперь он занимался тем, что выискивал новые таланты для ассоциированной компании. Бестактный отщепенец, Танидзири нажил много врагов в коллективе, но в жизни Идзуми он всегда оставался важной фигурой, наставником, который научил его всем тонкостям работы, в том числе мастерству взаимодействия как с артистами, так и с теми людьми, что крутятся в индустрии.

«Слушай, я сейчас возле твоего офиса: у меня тут должна была быть встреча с одним человеком по работе, а из-за снега все накрылась. Раз уж я здесь, может, чего-нибудь вместе наведем?» Получив внезапное приглашение, Идзуми выскочил с работы и устремился на встречу в ресторанчик неподалеку.

– Да и салаги эти – новоиспеченные артисты, – они ж не нужны никому: какой уважающий себя режиссер станет пихать их музыку!

Танидзири ковырял остатки салата вилкой. Зажатая в его пухлых пальцах, она казалась крошечной. Зеленень в тарелке выглядела безжизненной, словно, всеми забытая, пролежала в холодильнике немало времени.

– Если бы эти матерые режиссеры хотя бы следили за современной музыкой. В титрах – сплошь те исполнители, что расходились с прилавков в девяностые, – заметил Идзуми. С этими словами он отодвинул в сторону мисо-суп, который подавался с полной тарелкой риса.

– Касай, смотрю, ты себе не изменяешь: мисо-суп так и не ешь? – усмешливо подметил Танидзири. А сам вывалил в рот остававшийся в стакане лед и принялся его разжевывать.

– Неудобно, конечно, оставлять нетронутым...

– Да брось: не хочешь – не ешь. Право, где бы я еще мог найти такого чудика, что мисо-суп на дух не переносит!

– Простите, этот суп совсем в горло не лезет...

Перед глазами, словно шлагбаум, перекрывающий ход этому диалогу, опустилась тяжеленная на вид чугунная посуда, где до сих пор в раскаленном масле потрескивал гамбургский стейк.

– На телевидении все еще правят продакшн-студии?

– Стало немного посвободнее, но все равно житья не дают. Даже если удастся пробиться, так или иначе затопчут.

– Ни черта не меняется! – насупился Танидзири. Он повязал на шею специальный нагрудник – фирменный бумажный фартучек ресторана.

– Ничего не меняется... – вторил Идзуми.

Под подбородком Танидзири виднелись грубые складки.

А ведь раньше у него была мощная, мускулистая шея – он рассказывал, что в старших классах занимался регби, участвовал в соревнованиях по всей стране.

– Кто у вас там сейчас в фаворитах?

– Непосредственно в фаворитах... Наверное, MUSIC.

– Ах, да, слышал-слышал, что они подписались. Вот только на кой черт? Они ж и так прекрасно продавались.

– Они говорили, что пришли к нам, потому что здесь подписано несколько почитаемых ими артистов.

– Хм-м, так это еще кого-то привлекает...

– Сейчас Комияма-сан пишет сценарий к одному сериалу. Так вот, похоже, что их песню возьмут туда основным саундтреком.

– О-о, старый добрый Комияма! Он до сих пор рубится в маджонг? – Танидзири изобразил открытие невидимой игровой кости и сразу потянулся к стейку, причем он даже не думал братья за нож, а принялся распиливать мясо на кусочки непосредственно вилок.

– Нет, конечно. Он ведь столько лет назад уже бросил. – Идзуми не вдохновило искусство владения вилок своего собеседника, и он взял палочки. Запах жареного мяса возбуждал аппетит.

– А ведет их кто?

– Танабэ.

– А-а, эта очаровательная принцесса?

– Вы ее знаете?

– Это же та, что встречается с твоим начальником? С Осавой?

– Они что, встречаются?! – вскрикнул Идзуми от удивления и тут же спохватился, стал осматривать зал.

Обеденное время, приглушенный свет, все уставлено столами из светлого дерева, за каждым из которых сидели посетители. Однако среди них никого из коллег вроде не было.

– Чего? Не знал? До меня такой слушок еще полгода назад дошел.

– Так вот оно что! Теперь понятно, почему Осава-сан по рабочим вопросам так лоялен к Танабэ, – приглушенным голосом отметил Идзуми. Поверх гамбургского стейка он ровным слоем распределил тертую редьку.

Идзуми всегда был далек от цепочки распространения сплетен и обо всем таком узнавал в последнюю очередь.

– Он к ней лоялен? Вот же ж и правда – простая душа, – хрипло хохотнул Танидзири.

– Раз они встречаются, то, конечно, он будет к ней лоялен. Что тут необычного?

– Так ну наоборот! Я бы на его месте, если бы завязал отношения на работе, был бы с девушкой демонстративно холоден или вообще заставил бы ее перевестись куда-нибудь. Все время быть начеку, чтобы интрижку не раскрыли, – это ж сколько хлопот!

– Да-а, вам, как всегда, беспощадности не занимать.

– Это не беспощадность, это голос истины! Запомни! Ой, ты посмотри: что это за прекрасная сотрудница сюда пожаловала!

Идзуми повернулся: у входа стояла только что вошедшая в ресторан Каори. Она помахала мужу рукой. С ней была подруга, с которой в университете они вместе учились на «менеджменте». Каори стояла перед стеклянной дверью, и из-за встречного освещения лица было почти не разглядеть, но силуэт с чуть выдающимся животом, бесспорно, принадлежал ей. Девушка узнала в сидящем напротив Идзуми мужчине Танидзири и вежливо поклонилась ему.

– Так ты у нас скоро станешь папой? – поинтересовался тот, изучив взглядом Каори и подняв одну руку вверх в знак приветствия. Из второй он не выпускал вилок.

Танидзири развелся лет этак десять назад и с того момента оставался одиночкой. Дети его жили с бывшей женой. «Мне надо исправно выплачивать алименты, так что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы меня погнали с работы», – сообщал он каждый раз, пропустив рюмку.

– Через пять месяцев. Хотя осознание будущего отцовства пока еще не пришло.

– Не бойся, ты у нас славный малый, у тебя наверняка все получится.

– Кто знает... – пробормотал Идзуми, а про себя подумал: «Что именно должно у меня “получиться”?» Ему хотелось услышать ответ, но он посчитал свой вопрос глупым и не стал его озвучивать. Идзуми зачерпнул палочками рис, который начал уже подсыхать в тарелке, и закинул его в рот.

* * *

Ночь того снежного дня выдалась какой-то немой. Казалось, что люди испарились из города. Беззвучие вызывало беспокойство. Тишина ощущалась так, будто ты абсолютно один, как ветер в поле. «Интересно, все чувствуют то же самое или же это только мое ощущение?»

На обеденном столе лежал раскрытый ноутбук. Пока Идзуми расправился со всеми скопившимися входящими письмами, уже перевалило за полночь. После свадьбы они с Каори вместе засиживались на кухне за сверхурочной работой, но с началом беременности она стала ложиться раньше. «Что ж так сильно клонит в сон! Я теперь что, за двоих должна спать?» – жаловалась Каори, сияя при этом улыбкой. Глядя на жену, Идзуми тогда почувствовал, что ему удалось дотронуться до одного из секретов счастья иметь ребенка.

Глубоко зевнув, он бросил взгляд на часы. Вдруг по ушам ударил холодный дребезжащий звук. Вибрация телефона заполнила собой всю кухню. Идзуми резко схватил трубку. На экране светилось: «Касай Юрико». Мама.

– Алло... Мам?

После небольшой паузы:

– А, Идзуми? Ты мне звонил?

– Да, мам... Ты чего так поздно?

– Поздно? А который сейчас...

– Половина второго.

На другом конце провода воцарилась тишина. Сразу представилось, как мама сейчас в гостиной, той самой, где стоит рояль, неловко прикладывает к уху трубку не подчинявшегося ей нового телефона.

– Прости, – раздался наконец ее старческий сиплый голос. – Ты уже спал?

– Работал.

– Не бережешь ты себя! Нельзя же так!

– А сама-то ты чего в такое время не спишь?

– Иногда бывает такое. Просыпаюсь посреди ночи. Вот и сегодня. Открыла глаза и внезапно вспомнила, что от тебя пропущенный был... Что-то случилось?

«Даже если и случилось, что теперь – посреди ночи вызванивать? Уж можно и до утра подождать!» Упрек уже готов был соскользнуть с языка, но Идзуми вовремя остановился. Вместо этого он собрался с силами:

– Послушай, мне надо тебе кое о чем рассказать.

– О чем?

На секунду повисла пауза: Идзуми сомневался, стоит ли все-таки сообщать об этом сейчас.

– У нас будет ребенок.

– Ребенок?

– Да, у нас с Каори. Она беременна.

– Да?.. Поздравляю!! И когда предполагаются роды? – Голос зазвучал выше, что выдавало волнение матери.

– В августе где-то.

– Какая радость! Как Каори? Как у нее самочувствие?

– Живее всех живых.

– Прекрасно! Идзуми, как я за вас рада!

Из динамиков послышалось, как Юрико хлопает в ладоши.

– Получается, роды... когда они там будут?

– Я же говорил: в августе.

– Точно-точно. Уже скоро. Вам же еще столько нужно подготовить для малыша...

Пока мама что-то говорила в трубку, Идзуми растворялся в умиротворении от того, что наконец-то все ей открыл.

Когда Идзуми сообщил матери, что собирается жениться, Юрико погрузилась в молчание. Идзуми подумал, что маму, вероятно, волнует, кто же ее будущая невестка, но и после того, как он сообщил, что избранница – его коллега, Юрико по-прежнему не проронила ни слова. Чтобы заполнить гнетущую тишину, Идзуми начал рассказывать, что за человек Каори и как она выглядит.

Вдруг раздался хриплый возглас:

– Да какая уже разница! Мне-то что с того?

– Мам? Ты чего?

Послышался плач, сопровождавшийся хлопаньем. Он словно пытался заглушить речь Идзуми.

– Теперь все пропало! – причитала Юрико, глубоко и часто дыша. – Неужели я недостаточно сделала, чтобы мы и дальше были вместе? Я-то думала, что впереди нас наконец-то ждет все то, чем живут настоящие семьи: что мы будем ездить по разным местам, будем выбирать еду, отведавать разных вкусняшек!

Идзуми, сообщая о свадьбе, рассчитывал услышать поздравления. А такая реакция, походившая на капризничанье малого дитя, поставила его в тупик, он не мог подобрать слов, чтобы ответить. Но через пару недель, когда в ресторане он представлял матери Каори, Юрико была настроена исключительно дружелюбно. Она не упустила шанс разболтать будущей невестке парочку неловких историй, произошедших с Идзуми в детстве.

– Когда он в плохом расположении духа, как правило, это легко решается наполнением пустого желудка. Подойдет все что угодно, его просто нужно накормить, – делилась опытом Юрико. Они с Каори нашли общий язык и уже вместе посмеивались над самим Идзуми.

С тех пор три года прошло. В тот раз Идзуми, движимый, вероятно, желанием искупить некоторую свою вину, преподнес Юрико подарок в виде швейцарских наручных часов. Сколько он себя помнил, мама всегда носила на запястье одни и те же часы.

Сейчас на настенных часах короткая стрелка преодолевала барьер в виде цифры 2. Мама безостановочно продолжала консультировать Идзуми по вопросам посещения акушера-гинеколога, отлучения ребенка от груди, убаюкивания, одежды для малыша... И после каждой изложенной темы она, словно вспоминая, из-за чего все это рассказывает, тихо повторяла:

– Идзуми, как я за тебя рада. Поздравляю.

Слушая ее звучащий скорее тревожно, нежели радостно голос, Идзуми чувствовал, будто мама удаляется от него.

Прямо как тогда.

4

Звуки аплодисментов уносились в кессонный потолок. Дождавшись, когда гул утихнет, виолончелист начал сольное выступление. Бах. Сюита для виолончели соло № 1.

Прожектора заливали светом упакованную в смокинг плотную фигуру. Внимание всех зрителей, которые не оставили в зале ни одного свободного места, было направлено в одну точку. Виолончелист сидел на фоне величественного органа посреди просторной сцены и, закрыв глаза, водил смычком. Мелодия рефрена. Есть в ней что-то волнующе-трагичное...

Он извлекал звуки отточенными уверенными движениями, и в то же время исполнение казалось абсолютно легким и воздушным. Говорят, звучание виолончели очень похоже на человеческий голос, и создается впечатление, будто инструмент разговаривает со слушателями. Сегодня в концертном зале можно было убедиться, что это абсолютная правда: мелодию, казалось, выпевал сам виолончелист.

– У виолончели звучание глубокое и насыщенное, поэтому поначалу она воспринимается мрачно, – рассуждала Каори за завтраком, надкусывая плитку шоколада. – Но у этого музыканта такая светлая энергетика, что чувствуется прилив тепла. Смотришь на его виртуозное исполнение, и кажется, что он выводит музыку с такой легкостью. Забываешь, что это не экспромт, а четкое следование нотной записи.

Сразу после третьего такта Идзуми заметил, как мама, сидевшая на соседнем сиденье, полезла в сумочку за платочком. Приподняв очки, она приложила салфетку сначала к уголку одного глаза, затем другого.

– В последнее время у меня слезы по любому поводу наворачиваются, – призналась Юрико, когда в такси по пути в музыкальный театр рассказывала о запавшем в душу сериале.

За все то время, пока мать с сыном жили вместе, Идзуми практически ни разу не видел, как мама плачет.

* * *

В младшей школе Идзуми сразу нашел себе друга, с которым они вместе возвращались домой. Это был его одноклассник по фамилии Миура. Как-то раз, когда на носу уже были зимние каникулы, мальчишки после уроков резвились дома у Миуры.

И отец, и мать Миуры работали, поэтому до их возвращения все было в распоряжении сына. Как и Идзуми, он был предоставлен самому себе. Возможно, поэтому мальчишки так легко сошлись. Касай часто проводил время у друга дома. Как и в тот день. Они смотрели мультики по телевизору, рубились в карточные игры. Струившийся в окно свет заходящего солнца становился все гуще, окрашивая в оранжевый цвет разбросанные по всей гостиной игрушки и одежду.

– В животе уже урчит... – многозначительно сказал Миура и, улыбнувшись, глянул в окно.

Оттуда лился яркий свет, который слепил Идзуми.

– Ага...

Как только Миура услышал подтверждение своим мыслям, его глаза заблестели, а смуглое лицо заиграло улыбкой предвкушения.

– Давай тогда в магазин за конфетами сгоняем.

– У меня денег нет.

– Не парься! Я знаю, где мама прячет записку!

Миура вошел в кухню и бесцеремонно вытянул правый ящик буфета. Между квитанциями за газ и электричество нашлись четыре запрятанные купюры: две по тысячи и еще две по пять тысяч иен. На дне валялись монеты.

Миура дерзко зажал в руке одну бумажку, так что нарисованная на ней «1000» исказилась. И этой же рукой указал Идзуми на ящик:

– Давай тоже, бери сколько хочешь!

– Да нет, зачем...

– Давай в темпе!

– Да мне не нужно!

Идзуми понимал, что это преступление. Ему уже где-то раньше доводилось слышать и про воров, и про кражи.

– Не возьмешь – считай, нашей дружбе конец! – Миура внезапно перешел на крик. – А ну, быстро взял!

– Ну если я говорю, что не нужны мне деньги, значит, они мне правда не нужны!

Идзуми отнекивался, но гневное выражение лица друга не оставляло ему выбора. Он быстро сунул руку в ящик, вытащил монетку – это были пятьсот иен – и кинул в карман. Сквозь ткань брюк мальчик почувствовал жгучий холод металла. Миура открыл входную дверь, и в глаза хлынули солнечные лучи, они словно пронзали насквозь. Идзуми, будто торопясь скрыться, бросился с крыльца.

Зайдя в ближайший супермаркет, Миура сразу уверенно направился к отделу сладостей. Идзуми шел следом за другом, шарившим по стеллажам, которые пестрели упаковками конфет. Он заметил, что на спинке темно-синего свитера Миуры зияет дырочка размером с бусину.

Тот закинул в тележку шоколадку, жвачку со вкусом колы, леденцы и еще самых разных конфет.

– Давай тоже возьми что-нибудь вкусненькое! – восторженно обратился Миура к другу.

Взгляд Идзуми застыл на упаковке с рисовым пирожным.

На белом пакетики красовались сочные красные ягоды клубники – его любимый вкус. Идзуми робко взял в руки упаковку и побрел к кассе.

Карман брюк отяжелел от сдачи – в нем теперь болталось несколько монет по сто и десять иен. А к пирожному Идзуми так и не притронулся. Дома у Миуры он лишь попробовал купленную другом шоколадку, но та показалась ему какой-то безвкусной. Трава травой: вроде бы ощущаешь, что во рту что-то есть, а больше ничего-то и не чувствуешь. Идзуми присмотрелся к лицу сидевшего рядом приятеля, не отрывавшего взгляда от телевизора: похоже, тот тоже ел шоколадку без энтузиазма.

Идзуми вернулся домой вместе с клубничным пирожным.

– А это у нас откуда? – поинтересовалась Юрико, когда вернулась с работы. Ответом было молчание, и ее рука, намывавшая посуду, зависла в воздухе. – Выкладывай начистоту, – потребовал металлический голос.

Весь в слезах Идзуми высыпал монеты из кармана на стол и признался в своем преступлении.

Следом за мамой он дошел до дома Миуры. Солнце уже полностью скрылось за горизонтом, а взрослых все еще не было. Юрико, склонив голову, попросила у приятеля Идзуми прощения и протянула ему монету в пятьсот иен.

Миура, бросив на соучастника возмущенный взгляд, взял деньги и тут же весело кинул:

– Завтра тоже ко мне приходи!

Юрико с сыном шли бок о бок по погрузившейся во тьму улице. Идзуми хотелось скорее извиниться перед мамой, но все не удавалось подобрать слова, которые бы смогли передать его чувства. Юрико, покинув дом Миуры, тоже не проронила ни слова. «Мама так сильно на

меня злится?» – обеспокоился ее молчанием Идзуми и поднял взгляд. Он увидел, что мама беззвучно плачет, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

Идзуми впервые видел мамины слезы. Плачущая, она казалась совершенно другим человеком, и это испугало его. Создавалось ощущение, что по твердой броне человеческой души пошла трещина, из которой хлынуло что-то очень ранимое.

– Прости меня, пожалуйста, – прервал тишину дрожащий голос.

Бледная ручка Юрико легонько погладила мальчика по голове. Это прикосновение Идзуми чувствовал и по сей день, стоило ему попробовать рисовое пирожное с клубничной начинкой.

* * *

На концерте, который разбивался двумя антрактами, прозвучали все шесть сюит Баха для виолончели соло.

Доиграв последнюю ноту, виолончелист торжественно поднялся перед залом. Словно воин, которому потом и кровью далась эта битва, он был весь мокрый, но на лице его светилась блаженная улыбка.

Аплодисменты публики никак не утихали: после ухода артиста за кулисы его вызвали на сцену еще дважды, каждый раз он опускался перед залом в глубоком поклоне.

Идзуми бросил взгляд на маму. По ее лицу градом лились слезы, но она не думала их вытирать: Юрико самозабвенно аплодировала.

– Мама, ну что, вам понравилось? – любопытствовала Каори, которая встретила мужа со свекровью в холле у выхода из концертного зала. Именно она пригласила сюда Юрико, зная, как та восхищается Бахом.

– Да, техника игры просто бесподобная, и в то же время такая завораживающая легкость движений! – восторженно произнесла Юрико и, вытирая платочком все еще заплаканные глаза, улыбнулась от неловкости за свои слезы. – Каори, спасибо тебе большое!

– Я рада, что вам понравилось!

– Мы сейчас ужинать, составишь нам компанию? – спросил Идзуми.

– У нас сейчас еще будет церемония по раздаче автографов. Я подойду, как освобожусь.

– Хорошо, будем тебя ждать.

Каори слегка поклонилась и спешно удалилась за площадку с сувенирной продукцией. Идзуми заметил на жене кожаные туфли без каблука, и его кольнула мысль:

«Ей, наверное, нелегко...» Тут и к гадалке не ходи: очевидно, что Каори изрядно набегалась за те несколько дней, что была приставлена к прибывшему виолончелисту. За три дня до концерта начались интервью, потом – репетиции, и везде надо было присутствовать.

Так ее еще и на точку продажи CD поставили. А вчера она до полуночи вызванивала музыкального менеджера, чтобы убедиться, что артист чувствует себя хорошо и ему ничего не помешает выступить.

Идзуми не мог спокойно смотреть, как много работает жена:

– Пожалуйста, не перенапрягайся, береги себя, ладно?

– Да, великий виолончелист требует великой отдачи, но кто знает, когда я в следующий раз такой проект получу, так что сейчас надо постараться! – ответила Каори с усталой улыбкой.

По выходе из здания в глаза бросалась эстакада скоростной автомагистрали, заслонявшая небо. Она развилкой поднималась с обочины широкой дороги и напоминала поднятую с замахом руку гиганта. Достаточно было пройти мимо группы высоток, как показался вход в кипевший жизнью ресторан. Здесь подавали блюда европейской кухни. Так получалось, что Идзуми с Юрико выбирались только в такие заведения. Вероятно, потому, что ходили они в места общественного питания в основном по каким-либо торжественным поводам, и в

такие моменты хотелось чего-нибудь необычного, отличного от традиционных блюд, что всегда готовила Юрико. И сейчас они продолжали ориентироваться на места с европейской кухней, видимо, по инерции.

Разместившись за столиком, Идзуми сразу заказал пиво и – для мамы – минеральную воду.

– Как у тебя сейчас с уроками фортепиано?

Идзуми вспомнил то время, когда к ним домой постоянно приходили заниматься ученики: казалось, им нет ни конца ни краю.

Рояль звучал целыми днями. В доносившихся с первого этажа этюдах словно слышались слова: «А ты что, думал, твоя мама только тебе принадлежит?»

– Я стараюсь теперь брать поменьше нагрузки, некоторых учеников отпустила, – рассказывала Юрико, растерянно оглядываясь по сторонам: вероятно, она успела отвыкнуть от суматохи ресторанов.

– Да? А чего?

– Силы на занятиях мигом заканчиваются: один-два ученика в день – и я валюсь от усталости.

– Почему бы тебе вообще не оставить уроки? Пенсия у тебя есть, да и мы можем побольше денег отправлять.

– Если я ничем не буду заниматься... то и толку от моего существования никакого не будет.

На эти слова Идзуми не мог возразить. Ведь люди и правда – как та же техника или, например, игрушки – тоже изнашиваются. Идзуми заметил морщины на руках, лежавших одна на другой, будто стараясь скрыть складки кожи.

За столом повисла тишина, и в этот момент – весьма кстати – принесли напитки. Идзуми спешно раскрыл меню и стал беспорядочно заказывать то, что попадалось на глаза: салат с помидорами и сыром, карпаччо из осьминога, рататуй из всевозможных овощей, ассорти колбас...

– Скажи, если тебе что-нибудь приглянулось, хорошо?

– Я полностью доверяю твоему выбору.

Когда Идзуми определился с блюдами, Юрико продолжила:

– Да и как я могу бросить преподавание, когда ученики такие славные. Вот Мику-тян, например, – уже совсем как родная!

– Мику-тян? Это кто?

– Да младшеклашка, живет рядышком. Мы сейчас с ней разучиваем «Грезы». Она все сбивается на втором такте, хоть я ей всегда твержу, что с гармоническим интервалом надо внимательнее... – Юрико стала отыгрывать партию, постукивая пальцами по столешнице, накрытой скатертью в клеточку.

– Слушай, – начал Идзуми, не отрывая от губ кружку пива, – помнишь, ты мне ночью звонила?

Юрико, будто внезапно очнувшись от транса, спохватилась:

– Ой, прости! В такой поздний час...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.